

Историография лингвистики / Historiography of Linguistics

Научная статья

УДК 81-119

ББК 81

<https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-2-111>

Й.Г. ГАМАН И ИСТОКИ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В ГЕРМАНИИ

Олег Анатольевич Радченко,
Образовательная корпорация
«Грейбридж Мэлкэм»,
Оттава, Онтарио, Канада*

*Рашид Султанович Аликаев,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова»,
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, Россия*

Аннотация. Статья посвящена личности, философским взглядам и языковой концепции Иоганна Георга Гамана в контексте подготовки первого полного перевода на русский язык его основного труда «Крестовые походы филолога» («Kreuzzüge des Philologen», 1762). Рассматриваются биография Гамана, особенности его мировоззрения и интеллектуальные связи с ключевыми фигурами немецкого Просвещения, прежде всего с Иммануилом Кантом и Иоганном Готфридом Гердером. Особое внимание уделяется темам, отражённым в основной работе Гамана, в том числе критике рационализма эпохи Просвещения, пониманию языка как исторического и духовного феномена, а также роли библейской символики и интертекстуальности в его произведениях. Анализируются особенности его «макаронического» стиля, насыщенного цитатами на древних и современных европейских языках, характеризующегося сложной системой аллюзий и философской иронией. В статье отмечается влияние идей Гамана на движение «Буря и натиск», немецкий романтизм и последующее развитие философии языка и герменевтики в целом. Освещается история изучения и перевода наследия Гамана в России. Отдельно анализируются трудности перевода «Крестовых походов филолога», связанные с необходимостью филологической, философской и богословской интерпретации этого текста. Делается вывод о значении наследия Гамана для современной гуманитарной мысли и о необходимости дальнейшего освоения его трудов отечественной наукой.

Ключевые слова: история языкознания; Иоганн Георг Гаман; философия языка; язык и мышление.

Для цитирования:

Радченко, О. А. Й.Г. Гаман и истоки философии языка в Германии / О. А. Радченко, Р. С. Аликаев // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2026. – Том 13. – № 02. – С. 111-155. – <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-2-111>

Заявленный вклад авторов:

О.А. Радченко: написание рукописи, внесение замечаний и исправлений, перевод книги И.Г. Гамана «Крестовые походы филолога» на русский язык.

Р.С. Аликаев: написание рукописи, составление обзора научной литературы, вычитка макетов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

* Ответственный автор за связь с редакцией

Original research article

J. G. HAMANN AND THE ORIGINS OF THE LANGUAGE PHILOSOPHY IN GERMANY

*Oleg A. Radchenko**,
Graybridge Malkam Educational Corporation,
Ottawa, Ontario, Canada

Rashid S. Alikayev,
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov,
Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia

Abstract. The article examines Johann Georg Hamann's personality, philosophical ideas, and linguistic concept in the context of the first complete Russian translation of his major work *Kreuzzüge des Philologen* ("Crusades of the Philologist", 1762). The study discusses Hamann's biography, intellectual development, and relations with leading representatives of the German Enlightenment, particularly with Immanuel Kant and Johann Gottfried Herder. Special attention is paid to Hamann's critique of Enlightenment rationalism, his understanding of language as a historical and spiritual phenomenon, and the role of biblical symbolism and intertextuality in his writings. The paper analyses the distinctive features of Hamann's "macaronic" style, characterised by multilingual quotations, complex allusions, and philosophical irony. It also stresses the influence of Hamann's ideas on the *Sturm und Drang* movement, German Romanticism, and the later development of hermeneutics and philosophy of language in general. Furthermore, the article outlines the history of Russian scholarship and translations devoted to Hamann's legacy. Particular emphasis is placed on the difficulties involved in translating *Crusades of the Philologist*, which required extensive philological, philosophical, and theological interpretation. The article concludes that Hamann's intellectual heritage remains highly significant for contemporary humanities and deserves further scholarly reception in Russian academic discourse.

Keywords: History of Linguistics; Johann Georg Hamann; language philosophy; language and thought.

To cite this article:

Radchenko, O. A., Alikayev, R. S. (2026). J. G. Hamann and the origins of the language philosophy in Germany. *Crede Experto: transport, society, education, language*, vol. 13, no. 2, pp. 111-155 DOI: <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-2-111> (in Russ.).

Claimed Contributorship:

O.A. Radchenko: manuscript preparation; revision and correction of the manuscript; translation of J.G. Hamann's book *The Philologist's Crusades* into Russian.

R.S. Alikayev: manuscript preparation; review of the scholarly literature; proofreading of the page proofs.

Conflict of Interest: The authors declare that they have no conflicts of interest.

Введение (Introduction)

Цикл переводов наиболее значимых научных работ классиков зарубежного языкознания продолжает opus magnum замечательного немецкого философа и

* Corresponding author

лингвиста, богослова и писателя, одного из самых загадочных мыслителей XVIII столетия Иоганна Георга Гамана (1730-1788) [Радченко и др., 2011].

Это имя хорошо известно исследователям интеллектуального дискурса эпохи Просвещения в Германии, как известно и его прозвище «Северный Волхв» (Magus im Norden) (см. [Берлин, 2015; Kühn, 1908]). Он родился в Кёнигсберге в семье врача и получил образование в Кёнигсбергском университете Альбертина, где изучал богословие, право, философию и классические языки. Хотя он так и не завершил своё обучение, уже в молодые годы он проявил выдающиеся способности к самообразованию и литературе. Работая домашним учителем и чиновником, он одновременно занимался философией, экономикой, теологией и филологией, став тем самым универсальным гением, обилие которых столь характерно для второй половины XVIII – первой половины XIX столетия в Германии. Поворотным в его жизни стало пребывание в Лондоне в 1757-1758 гг., куда он отправился в деловую поездку и где продолжал вести привычный ему праздный образ жизни, пока не случилось событие, перевернувшее всю его жизнь.

Материалы и методы (Materials and Methods)

В своих дневниках он не описывает это событие конкретно, однако из них следует, что он пережил тяжёлый духовный кризис и нашёл утешение в чтении Святого Писания, превратившемся довольно скоро в чрезвычайно глубокое погружение в христианские тексты и одновременно в кардинальную переоценку собственного бытия, его смысла и цели. Именно тогда, во время интенсивного чтения Библии, сформировалось его понимание человеческого существования и всех его аспектов как свидетельства о Боге в истории [Аликаев и др., 2011].

После возвращения в Кёнигсберг Гаман жил сравнительно скромно, работал домашним учителем, переводчиком, чиновником и управляющим складами, но одновременно стал одной из самых ярких интеллектуальных фигур Германии XVIII века. Проживая по соседству с И. Кантом, он поддерживал с ним довольно непростые отношения, учитывая сложный характер «Северного Волхва», но старался использовать любую возможность, чтобы обсудить с ним интересовавшие его в тот момент философские проблемы. Известно, что он подкарауливал Канта, любившего гулять по определённому маршруту, чтобы составить ему компанию и сподвигнуть его на обмен идеями. С ним он несколько раз переписывался (см. [Гильманов, 2009а; Гильманов, 2009б; Гильманов, 2010а; Гильманов, 2010б; Гильманов, 2013а; Гильманов, 2013б; Goldstein, 2010]).

Он поддерживал переписку и полемику и со своим бывшим учеником И. Г. Гердером [Hoffmann, 1889] (которого обучал английскому языку), берлинскими просветителями М. Мендельсоном, Ф. Якоби и другими крупнейшими мыслителями своего времени. Несмотря на отсутствие высшего образования, академической должности и учёной степени, Гаман оказал огромное влияние на развитие немецкой философии, литературы и теологии [Anderson, 2012; Metzke, 1934; Rudolph, 2006].

Дискуссия (Discussion)

Его произведения отличались крайне необычным («макароническим») стилем: они были насыщены цитатами не только на немецком языке, но и на латыни, древнегреческом, иврите, английском, французском языках ([Hamilton, 2014; Regier, 2016]), многочисленными намёками (призванными уберечь его от преследования цензуры, так как в его текстах содержались ядовитые выпады не только в адрес научных оппонентов, но и коронованных особ, духовных лиц, сановников и влиятельных персон). В его текстах в качестве основной ткани всегда присутствует Святое Писание, подарившее его вдохновению множество образов и ситуаций, ставших основой для его остроумных и достаточно злых метафор. Но и в целом его труды полны иронии, сложного для читательского декодирования символизма, представляют собой чересполосицу мыслей, нередко являющихся отсылками к его собственным работам. Его тексты напоминают памфлеты или философские письма, написанные в ответ на конкретные события, но затрагивавшие фундаментальные вопросы культуры и человеческого бытия.

Центральной темой философии Гамана стала сокрушительная критика рационализма эпохи Просвещения [Гильманов, 2005]. Будучи уверенным в том, что человеческий разум не способен быть автономным и самодостаточным актором бытия, Гаман отрицал и способность человека понять самого себя исключительно посредством логики и рационального мышления, отбрасывавших всякую возможность привлечения религиозных факторов. Для Гамана истинное понимание бытия возможно лишь путём приближения к Божественной мысли, и, в противоположность просветителям, стремившимся к «чистому разуму», он подчёркивал исключительное значение телесности, чувств, исторической конкретности и символического языка. Бог, утверждал он, раскрывается не в отвлечённых философских схемах, а в реальной истории и человеческой жизни, что объясняет невозможность философского анализа бытия без обращения к Слову Господа.

Особое место в философском творчестве Гамана занимала проблема языка ([Schulte, 2011; Unger, 1905; Weiß, 1990; Weiter, 1992]). Он полагал, что язык не является просто техническим средством передачи мыслей, он всегда историчен и связан с культурой, традицией и религиозным опытом. В своей работе «Метакритика пуризма разума» Гаман выступил против философии Канта, утверждая, что разум не может существовать независимо от языка, и эта идея позднее оказала существенное влияние на философию герменевтики и современную философию языка, став одним из краеугольных камней немецкого неогумбольдтианства [Радченко, 2024].

Научное наследие Гамана изучается мировой филологией вот уже почти двести лет (см., напр., [Carvacchi, 1855; Dahlstrom, 2000; Hegel, 1828; Miller, 1967; Pignocchi, 2025; Steinthal, 1851]). В России эти исследования увенчались защитой диссертаций ([Аликаева, 2009; Гильманов, 2006]), публикацией ряда статей (см., напр., [Гильманов, 2003; Стрельцов, 2025]), и с полным правом можно считать Калининград и Нальчик двумя основными центрами научных изысканий, связанных с жизнью и научными работами Гамана.

Результаты (Results)

К этому можно прибавить и небольшое количество переводов некоторых его трудов, хотя основной труд его жизни – «Крестовые походы филолога» (1762) – никогда целиком не переводился, за исключением знаменитого трактата «Эстетика в ореховой скорлупе», переведённого первым отечественным исследователем наследия Гамана проф. В.Х. Гильмановым на русский язык в 2003 г. Другой фрагмент книги – «Kleeblatt Hellenistischer Briefe» («Трилистник эллинистических писем») – существует на русском языке исключительно в виде разрозненных цитат и фрагментов в научных статьях и диссертациях по философии языка. Перу В. Х. Гильманова принадлежат также переводы полных текстов фундаментальных трудов Гамана: его первого крупного философского манифеста «Достопримечательные мысли Сократа» (*Sokratische Denkwürdigkeiten*, 1759), «Метакритики чистого разума» [Гаман, 2012] и писем Иммануилу Канту. В переводе С.В. Волжина вышли на русском языке «Крохи» (1758) и «Метакритика пуризма чистого разума» (1784) ([Волжин, 2006]). В изданной им антологии представлены выдержки, раскрывающие взгляды Гамана на непосредственное знание, мистическую интуицию и критику чистого разума И. Канта. Отдельные цитаты и переводы фрагментов гамановских текстов на русский язык можно найти в классической статье В. С. Соловьёва [Соловьёв, 1892], а также в антологиях [Гаман, 1973] и статьях, посвящённых, к примеру, «педагогике Бога» у Гамана [Педагогика, 2012].

Предлагаемый впервые перевод полного текста основного труда Гамана «Крестовые походы филолога» представляет собой сборник из 16 произведений, созданных Гаманом в 1749-1762 гг. и освещающих различные периоды жизни и становления его личности. В него вошли тексты разных жанров – от его юношеских стихотворений в честь отца и друзей до саркастических «Лакомств в гардеробную одного духовного лица в Оберланде». Тематика этой книги чрезвычайно обширна, только её перечисление заняло бы больше печатного пространства, чем настоящая статья. Среди наиболее заметных тем – позиция Гамана об отношении языка и мышления, критика франкомании немецких просветителей и в целом всех особенностей их научного стиля, аргументации, критической позиции, метакритика их трудов (см. [Dickson, 1995]), резкий отпор рационализму как таковому. За невинными названиями (к примеру, «Послание о церковной музыке»), как правило, скрывается крайне едкий ответ на выпады оппонентов, а в целом и резко негативный портрет эпохи.

Наследие Гамана остаётся значимым и сегодня. Его размышления о языке, историчности мышления, символической природе культуры и ограниченности рационализма предвосхитили многие идеи современной философии. Он стал важным связующим звеном между эпохой Просвещения и романтизмом, духовным мостом между теологией, философией и литературой.

Тем не менее, «Крестовые походы филолога» целиком, как единый сборник, на русский язык никогда не переводились, хотя это можно было бы объяснить сложностями переводческого труда, требующими от осмелившегося на такой перевод филолога не только знания немецкого языка XVIII столетия, но

и погружения в библейские тексты, обращения к многочисленным античным авторам, прежде всего, Горацию, которого Гаман ценил, по всей видимости, выше всех прочих поэтов Древнего мира, и цитатами которого украсил (и отчасти осложнил) свой текст.

Трудности вызывали и пространные цитаты научных трудов позднего Средневековья на латинском языке, нередкие отступления от размышлений с привлечением ссылок на английских и французских авторов на языке оригинала, не говоря уже о том, что практически каждая строка этой книги требует умений дешифровальщика, интерпретатора, действующего подчас с опорой на свою интуицию. Не претендуя на все упомянутые таланты, автор перевода, введением к которому является эта статья, привлекал переводы отдельных глав этой книги на английский ([Haynes, 2007]) и русский языки, комментарии к переводам и самой книге, размещённые на официальных сайтах, связанных с научным исследованием творчества Гамана, добавив к и без того обширному материалу примечаний Гамана собственные примечания там, где требовались дополнительные пояснения. Кроме того, переводчик отступил от принятого сохранения иноязычных цитат и прочих включений в оригинальный текст перед их переводом (за исключением отдельных выражений в тексте), поскольку присущая Гаману манера изложения с постоянным чередованием мыслей и цитат на разных языках была, возможно, привычной для читателя его века, но превратилась бы во множество препятствий, отвлекающих современного читателя от сущности его взглядов.

Заключение (Conclusion)

Идеи и труды Гамана оказали существенное влияние на движение «Буря и натиск» и немецких романтиков, на молодого Гёте ([Гильманов, 2008]), позднее называвшего Гамана одним из самых выдающихся умов своего времени. В то же время религиозная основа мышления Гамана нередко отходила у его последователей на второй план.

Последние годы жизни Гаман провёл в Мюнстере в кругу интеллектуалов, приглашённых княгиней Амалией Голицыной [Betz, 2023]. Его воспринимали не только как философа и писателя, но и как человека глубокой личной веры. Он умер в 1788 году по дороге домой из Мюнстера. На его могильной плите высечена цитата из Первого послания апостола Павла к Коринфянам (1 Кор. 1:27): «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное». Ниже следует латинская эпитафия: «Johann Georg Hamann, viro christiano» (*Иоганну Георгу Гаману, христианину*).

Основная ценность его главной работы, его «крестовых походов», заключается в её безмерной глубине, и предлагаемый читателям нашего журнала перевод – это лишь начало долгого пути к постижению многомерности мысли «Северного Волхва».

Список литературы

- Аликаев Р. С.* Филологические особенности глубинной интерпретации актуальных теологических понятий в творчестве Й. Г. Гаманна / Р. С. Аликаев, Л. С. Аликаева // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация. 2011. Вып. 3. С. 133-145.
- Аликаева Л. С.* Немецкий лингвофилософский дискурс XVIII столетия (концепция Й. Г. Гаманна) : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аликаева Лариса Солтанхаметовна. Нальчик, 2009. 249 с. EDN QELQGL.
- Берлин И.* Северный Волхв: И. Г. Хаманн и происхождение современного иррационализма. Перев. с англ. В. Михайлина. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. 176 с.
- Волжин С. В.* (ред.). И. Г. Гаман, Ф. Г. Якоби. Философия чувства и веры / Сост. вступ. ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч.: С. В. Волжин. СПб., 2006. 487 с.
- Гаман И. Г.* Метакритика пуризма разума *sunt lacrumae Rerum O quantum EST in rebus inane!* / И. Г. Гаман // Кантовский сборник. 2012. № 4(42). С. 78-92. EDN PKEEGZ.
- Гаман И. Г.* Пять пастырских посланий о школьной драме // Идеи эстетического воспитания: Антология в 2 т. М.: Искусство, 1973. Т.2. С. 149-162.
- Гильманов В. Х.* Гаман и Кант: битва за чистый разум. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2013а. 226 с.
- Гильманов В. Х.* Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 569 с. (Сер. «Stoa Kantiana»).
- Гильманов В. Х.* И. Г. Гаман и литература Просвещения (опыт универсальной герменевтики) : специальность 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Гильманов Владимир Хамитович. Калининград, 2006. 459 с. EDN NOLKKL.
- Гильманов В. Х.* «Крестовые походы» И. Г. Гамана против Просвещения // Вестник Московского университета: Серия 7. Философия. 2005. № 3. С. 14-26.
- Гильманов В. Х.* Кенигсбергские влияния на Веймарскую классику (Гаман и Кант в творческой судьбе Гете и Шиллера) // Кантовский сборник. 2008. № 2(28). С. 83-98.
- Гильманов В. Х.* Мышление и вера. Послесловие к переписке, касающейся взаимоотношений между Гаманом и Кантом / В. Х. Гильманов // Кантовский сборник. 2013б. № 2(44). С. 93-101. EDN QCHMJD.
- Гильманов В. Х.* Переписка Иммануила Канта и Иоганна Георга Гамана (перевод, введение и комментарии В. Х. Гильманова) / В. Х. Гильманов // Кантовский сборник. 2009а. № 1(29). С. 92-100. EDN KIZNDZ.
- Гильманов В. Х.* Переписка Иммануила Канта и Иоганна Георга Гамана / В. Х. Гильманов // Кантовский сборник. 2009б. № 2(30). С. 112-126. EDN KXTAIJ.
- Гильманов В. Х.* Переписка Иммануила Канта и Иоганна Георга Гамана / В. Х. Гильманов // Кантовский сборник. 2010а. № 1(31). С. 90-111. EDN LDLKFT.
- Гильманов В. Х.* Переписка Иммануила Канта и Иоганна Георга Гамана / В. Х. Гильманов // Кантовский сборник. 2010б. № 2(32). С. 97-108. EDN MSRIRR
- «Педагогика Бога» в системе взглядов И. Г. Гамана // Альманах «Русский мир и Латвия». 2012 – URL: https://www.intelros.ru/readroom/rus_mir_lat/russkiy-mir-i-latviya-28/12943-pedagogika-boga-v-sisteme-vzglyadov-ig-gamana.html (дата обращения: 12.04.2026).
- Радченко О. А.* Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. 5-е изд., испр. и доп. LAP Lambert Academic Publishings, 2024. 520 с.
- Радченко О. А.* Й. Г. Гаман в лингвистическом дискурсе XVIII столетия / О. А. Радченко, Л. С. Аликаева // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 82-101. EDN NDYZGN.
- Соловьёв В. С.* Гаман, Иоганн Георг // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том VIII. Гальберг – Германий. СПб., 1892. С. 57-58.
- Стрельцов А. М.* И. Г. Гаман в истории и историографии философии // *Respublica Literaria*. 2025. Т. 6. №1. С. 27-40. DOI 10.47850/RL_2025-6-1-27-40.

- Anderson L. M.* (ed.), *Hamann and the Tradition*, Evanston (Illinois): Northwestern University Press, 2012. 226 p.
- Betz J. R.* *The Counter-Enlightenment and Erweckungsbewegung: From J. G. Hamann to the Münster Circle* // *Oxford History of Modern German Theology*. Ed. by Grant Kaplan and Kevin M. Vander Schel. Oxford: Oxford University Press 2023. Pp. 102-120. DOI: 10.1093/oso/9780198845768.003.0007
- Carvacchi K. C.* *Biographische Erinnerungen an Johann Georg Hamann, den Magus im Norden*. Münster: Friedrich Regensberg, 1855. 79 S.
- Dahlstrom D.* *The Aesthetic Holism of Hamann, Herder and Schiller* // Karl Ameriks (ed.). *The Cambridge Companion to German Idealism*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. Pp. 76-94.
- Dickson G. G.* *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995. 534 S. (Theologische Bibliothek Töpelmann)
- Goldstein J.* *Die Höllenfahrt der Selbsterkenntnis und der Weg zur Vergötterung bei Hamann und Kant* // *Kant-Studien: Philosophische Zeitschrift*. 2010. № 101(2). S. 189-216.
- Hamilton J.* *Repetitio Sententiarum, Repetitio Verborum: Kant, Hamann, and the Implications of Citation* // *The German Quarterly*, 2014. № 87(3). Pp. 297-312.
- Haynes K.* *Johann Georg Hamann. Writings on Philosophy and Language*. Translated and edited by Kenneth Haynes. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 252 p.
- Hegel G. W. F.* *Über Hamanns Schriften* // *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*. 1828. Bd. 2. Nr. 77-80. S. 620-640.
- Hoffmann O.* *Herders Briefe an Joh. Georg Hamann*. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1889. 284 S.
- Kühn D. E.* *Johann Georg Hamann, der Magus im Norden*. Gütersloh: Bertelsmann, 1908. 112 S.
- Metzke E. J. G.* *Hamanns Stellung in der Philosophie des 18. Jahrhunderts. Eine Preisschrift*. Halle an der Saale: Max Niemeyer Verlag, 1934. VIII, S. 121-266. (Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft 10, 1934, H. 3).
- Miller J. R. jr.* *Sense and Transcendence. A Study in Johann Georg Hamann's Philosophy of Language*. Diss. Tulane Univ., 1967. 337 p.
- Pignocchi T.* «Il serpentesco inganno». Linguaggio, illusione e conoscenza in Hamann e Wittgenstein // *Annuario Filosofico*. 2025. № 40. Pp. 78-107.
- Regier A.* *Anglo-German Connections in William Blake, Johann Georg Hamann, and the Moravians* // *SEL Studies in English Literature 1500–1900*, 2016. № 56(4). Pp. 757-776.
- Rudolph A.* *Proteusfiguren esoterischer Ästhetik bei Wieland, Hamann und Goethe*. Arbeitsfassung 2006. 31 S.
- Schulte S.* (ed.). *Ohne Wort keine Vernunft – keine Welt. Bestimmt Sprache Denken? Schriftsteller und Wissenschaftler im Wortwechsel mit Johann Georg Hamann, Münster [u.a.]*: Waxmann, 2011. 392 S.
- Steinthal H.* *Der Ursprung der Sprache, im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens. Eine Darstellung der Ansicht Wilhelms von Humboldts, verglichen mit denen Herders und Hamanns*. Berlin: Dümmler, 1851. 180 S.
- Unger R.* *Hamanns Sprachtheorie im Zusammenhange seines Denkens. Grundlegung zu einer Würdigung der geistesgeschichtlichen Stellung des Magus im Norden*. München: Beck, VIII, 1905, 272 S.
- Weiß H.* *Johann Georg Hamanns Ansichten zur Sprache. Versuch einer Rekonstruktion aus dem Frühwerk*. Münster: Nodus, 1990. 203 S.
- Welter R.* *Johann Georg Hamann* // Dascal M. et al. (Hrsg.) *Sprachphilosophie*. Berlin, NY: de Gruyter, 1992. S. 339-343.

References

- Alikaev R. S., Alikaeva L. S.* (2011). Filologicheskie osobennosti glubinnoj interpretacii aktual'nyh teologicheskikh ponjatij v tvorchestve J. G. Gamanna. *Germenevticheskij krug: tekst – smysl – interpretacija*. 3: 133-145.
- Alikaeva L. S.* (2009). Nemeckij lingvofilosofskij diskurs XVIII stoletija (konceptija J.G. Gamanna) : special'nost' 10.02.19 "Teorija jazyka" : dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Nal'chik. 249 s.
- Anderson L. M. (ed.)* (2012). *Hamann and the Tradition*, Evanston (Illinois): Northwestern University Press. 226 p.
- Berlin I.* (2015). Severnyj Volhv: I. G. Hamann i proishozhdenie sovremennogo irracionalizma. Perv. s angl. V. Mihajlina. Moskva: Ad Marginem Press. 176 s.
- Betz J. R.* (2023). The Counter-Enlightenment and Erweckungsbewegung: From J. G. Hamann to the Münster Circle. *Oxford History of Modern German Theology. Ed. by Grant Kaplan and Kevin M. Vander Schel.* Oxford: Oxford University Press. Pp. 102-120. DOI: 10.1093/oso/9780198845768.003.0007
- Carvacchi K. C.* (1855). Biographische Erinnerungen an Johann Georg Hamann, den Magus im Norden. Münster: Friedrich Regensberg. 79 S.
- Dahlstrom D.* (2000). The Aesthetic Holism of Hamann, Herder and Schiller. *Karl Ameriks (ed.). The Cambridge Companion to German Idealism.* Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 76-94.
- Dickson G. G.* (1995). Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 534 S. (Theologische Bibliothek Töpelmann)
- Gaman I. G.* (2012). Metakritika purizma razuma sunt lacrumae Rerum O quantum EST in rebus inane! *Kantovskij sbornik*. 4(42): 78-92.
- Gaman I. G.* (1973). Pjat' pastyrskih poslanij o shkol'noj drame. *Idei jesteticheskogo vospitanija: Antologija v 2 t. M.: Iskusstvo*, 2: 149-162.
- Gil'manov V. H.* (2013a). Gaman i Kant: bitva za chistyj razum. Kaliningrad: Izd-vo Baltijskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta. 226 s.
- Gil'manov V. H.* (2003). Germenevtika «obraza» I. G. Gamana i Prosveshhenie. Kaliningrad: Izd-vo KGU. 569 s. (Ser. «Stoa Kantiana»).
- Gil'manov V. H.* (2006). I. G. Gaman i literatura Prosveshhenija (opyt universal'noj germenevtiki) : special'nost' 10.01.03 "Literatura narodov stran zarubezh'ja (s ukazaniem konkretnoj literatury)" : dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk Kaliningrad. 459 s.
- Gil'manov V. H.* (2005). «Krestovye pohody» I. G. Gamana protiv Prosveshhenija. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Serija 7. Filosofija*. 3: 14-26.
- Gil'manov V. H.* (2008). Kenigsbergskie vlijanija na Vejmarskuju klassiku (Gaman i Kant v tvorcheskoj sud'be Gete i Shillera). *Kantovskij sbornik*. 2(28): 83-98.
- Gil'manov V. H.* (2013b). Myshlenie i vera. Posleslovie k perepiske, kasajushhejsja vzaimootnoshenij mezhdu Gamanom i Kantom. *Kantovskij sbornik*. 2(44): 93-101.
- Gil'manov V. H.* (2009a). Perepiska Immanuila Kanta i Ioganna Georga Gamana (perevod, vvedenie i komentarii V. H. Gil'manova). *Kantovskij sbornik*. 1(29): 92-100.
- Gil'manov V. H.* (2009b). Perepiska Immanuila Kanta i Ioganna Georga Gamana. *Kantovskij sbornik*. 2(30): 112-126.
- Gil'manov V. H.* (2010a). Perepiska Immanuila Kanta i Ioganna Georga Gamana. *Kantovskij sbornik*. 2010a. 1(31): 90-111.
- Gil'manov V. H.* (2010b). Perepiska Immanuila Kanta i Ioganna Georga Gamana. *Kantovskij sbornik*. 2(32): 97-108.
- Goldstein J.* (2010). Die Höllenfahrt der Selbsterkenntnis und der Weg zur Vergötterung bei Hamann und Kant. *Kant-Studien: Philosophische Zeitschrift*. 101(2): 189-216.
- Hamilton J.* (2014). Repetito Sententiarum, Repetito Verborum: Kant, Hamann, and the Implications of Citation. *The German Quarterly*. 87(3): 297-312.

- Haynes K. (2007). Johann Georg Hamann. Writings on Philosophy and Language. Translated and edited by Kenneth Haynes. Cambridge: Cambridge University Press. 252 p.
- Hegel G. W. F. (1828). Über Hamanns Schriften. *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*. 1828. 2. 77-80: 620-640.
- Hoffmann O. (1889). Herders Briefe an Joh. Georg Hamann. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung. 284 S.
- Kühn D. E. (1908). Johann Georg Hamann, der Magus im Norden. Gütersloh: Bertelsmann. 112 S.
- Metzke E. (1934). J. G. Hamanns Stellung in der Philosophie des 18. Jahrhunderts. Eine Preisschrift. Halle an der Saale: Max Niemeyer Verlag. VIII, S. 121-266. (Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft 10, 1934, H. 3).
- Miller J. R. jr. (1967). Sense and Transcendence. A Study in Johann Georg Hamann's Philosophy of Language. Diss. Tulane Univ. 337 p.
- «Pedagogika Boga» v sisteme vzgljadov I.G. Gamana. *Al'manah «Russkij mir i Latvija»*. 2012 – URL: https://www.intelros.ru/readroom/rus_mir_lat/russkiy-mir-i-latviya-28/12943-pedagogika-boga-v-sisteme-vzglyadov-ig-gamana.html (data obrashhenija: 12.04.2026).
- Pignocchi T. (2025). «Il serpentesco inganno». Linguaggio, illusione e conoscenza in Hamann e Wittgenstein. *Annuario Filosofico*. 40: 78-107.
- Radchenko O. A. (2024). Jazyk kak mirosozidanie: lingvofilosofskaja koncepcija neogumbol'dtjanstva. 5-e izd., ispr. i dop. LAP Lambert Academic Publishings. 520 c.
- Radchenko O. A. (2011). J. G. Gaman v lingvisticheskom diskurse XVIII stoletija. *Voprosy jazykoznanija*. 1: 82-101.
- Regier A. (2016). Anglo-German Connections in William Blake, Johann Georg Hamann, and the Moravians. *SEL Studies in English Literature 1500–1900*. 56(4): 757-776.
- Rudolph A. (2006). Proteusfiguren esoterischer Ästhetik bei Wieland, Hamann und Goethe. Arbeitsfassung. 31 S.
- Schulte S. (ed.). (2011). Ohne Wort keine Vernunft – keine Welt. Bestimmt Sprache Denken? Schriftsteller und Wissenschaftler im Wortwechsel mit Johann Georg Hamann, Münster [u.a.]: Waxmann. 392 S.
- Solov'jov V. S. (1892). Gaman, Iogann Georg. *Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. Tom VIII. Gal'berg – Germanij*. SPb. S. 57-58.
- Steinthal H. (1851). Der Ursprung der Sprache, im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens. Eine Darstellung der Ansicht Wilhelms von Humboldts, verglichen mit denen Herders und Hamanns. Berlin: Dümmler. 180 S.
- Strel'cov A. M. (2025). I. G. Gaman v istorii i istoriografii filosofii. *Respublica Literaria*. 6.1: 27-40. DOI 10.47850/RL_2025-6-1-27-40.
- Unger R. (1905). Hamanns Sprachtheorie im Zusammenhange seines Denkens. Grundlegung zu einer Würdigung der geistesgeschichtlichen Stellung des Magus im Norden. München: Beck, VIII, 272 S.
- Volzhin S. V. (red.). (2006). I. G. Gaman, F. G. Jakobi. Filosofija chuvstva i very. Sost. vstup. st., per. s nem., prilozh., komment., primech.: S. V. Volzhin. SPb. 487 s.
- Weiß H. (1990). Johann Georg Hamanns Ansichten zur Sprache. Versuch einer Rekonstruktion aus dem Frühwerk. Münster: Nodus. 203 S.
- Welter R. (1992). Johann Georg Hamann. *Dascal M. et al. (Hrsg.) Sprachphilosophie*. Berlin, NY: de Gruyter. S. 339-343.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Олег Анатольевич Радченко – доктор филологических наук, профессор, преподаватель, Образовательная корпорация «Грейбридж Мэлкэм», Карлинг Авеню, д. 1225, офис 610, Оттава, Онтарио, K1Z 8R9, Канада; orcid.org/0000-0003-3808-9461; e-mail: radoleg@gmail.com

Рашид Султанович Аликаев – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, д. 173, 360004, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, Россия;
orcid.org/0000-0001-7602-4349; e-mail: ralikaev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Radchenko, Dr. Sci. (Philology), Senior Professor, Language Instructor, Graybridge Malkam Educational Corporation, 1525 Carling Avenue, Suite 610, Ottawa, Ontario, K1Z 8R9 Canada;
orcid.org/0000-0003-3808-9461; e-mail: radoleg@gmail.com

Rashid S. Alikae, Dr. Sci. (Philology), Senior Professor, Head of the German and Romance Languages Department, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, 173 Chernyshevsky Street, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russia;
orcid.org/0000-0001-7602-4349; e-mail: ralikaev@mail.ru

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

15.04.2026
22.05.2026
16.06.2026

Received
Accepted for publication
Published

15 April 2026
22 May 2026
16 June 2026

Иоганн Георг Гаман КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ФИЛОЛОГА¹

«— — — будут также и другие войны,
и снова к Трое будет послан великий Ахилл»
Вергилий, эклога «Поллион» (Эклога IV)

Год: 1762

«(Слова мудрых – как острия и
как вбитые гвозди, и составители их –)
от одного пастыря».
Еккл. 12:11²

Читателю – строго между нами³!

Первые три рассуждения в настоящем сборнике уже присвоили себе незаслуженную позорную известность, прокравшись в еженедельные «Кёнигсбергские известия» 1760 года издания, и стоят там у позорного столба. – Вторая книга *Маккавеев* упоминает некоего *Аристовула*⁴, наставника царя Птолемея Филометора, происходившего из жреческого сословия. – Более мне

¹ Первая часть (см. Вторую часть в номере 3 нашего журнала за 2026 год). Перевод выполнен доктором филологических наук, профессором Радченко О.А. по оригиналу: Hamann J.G. Kreuzzüge des Philologen // Hamann's Schriften. Herausgegeben von Friedrich Roth. Zweiter Teil. Berlin, bey G. Reimer, 1821. S. 103-342. Дополнительно привлекались варианты, размещённые на сайтах: www.zeno.org, www.tha.de. В тексте сохранены авторские выделения курсивом.

² Здесь и далее цитаты из Святого Писания приводятся по Синодальному переводу (прим. пер.).

³ Поскольку «Крестовые походы филолога» были полны опасных политических и религиозных аллюзий, Гаман постоянно маскировал текст. Знак «под розой» – это напоминание, что перед читателем не просто текст, а тайнопись, требующая глубокого герменевтического прочтения и умения читать между строк (прим. пер.).

⁴ Персонаж Аристовула восходит к «учителю царя Птолемея, происходящему из рода помазанных священников» (2 Макк. 1:10) (прим. пер.).

ничего не известно об этом апокрифическом покровителе, ибо я не *теолог*, как и большинство отпрысков нашей писательской лицемерной, нечестивой братии: но я есмь (смею заметить!) *пастух коровьего стада*, собирающий *сикоморы*¹. –

За исключением *одного или двух*, все остальные сочинения уже ранее выдержали испытание печатным станком и огонь чистилища. Что в особенности касается объявления об этом *проекте*, то оно относится к скромным опытам нашего немецкого *Фестиса*². – Этому мрачному автору послесловия, или, скорее, прелюдии некая неизвестная рука переслала, якобы, (вероятно, вместо *критического труда* на эту тему) чрезвычайно расхваленный в двух переводах курс лечения Вельфов³, дабы *привить полип здравого рассудка*, – сопроводив свой *французский* подарок следующим *любовным посланием*:

«Дабы вы были предупреждены» (Вергилий)

«Прими это, смертный остов Аполлона! Прими эту книгу и более никогда не смей переступить Рубикон глупости». – Этого достаточно для введения в наш экстракт, чтобы, по крайней мере, прояснить смысл эпитафии из Лукана. – «Вероятно, правда», – говорит господин *Д’Аламбер*⁴ в его превосходных наблюдениях касательно персоны и труда аббата Террассона⁵, – «вероятно, правда, что наша Земля есть лишь *точка* книзу от планеты *Сатурн*, однако не всякая *точка* может оказаться там по своему желанию – С этой высшей⁶ планетой Сатурн и его кольцом сравнивал *Марсилио Фичино*⁷ в своё время гений Сократа. – Чтобы изобличить наивность и нашей новоявленной сократической музыки, можно было бы присочинить, что она снимала угол в созвездии *Скорпиона* или *Овна* и там же понесла от вливаний пылкого Марса, как в древности мать-весталка *канонизированного* братоубийцы *Квирина*⁸! – Наконец, пришёл я посредством геомантических *зеркал* (с *силлогическими* терминами-посредниками из того же материала) к выводу, что эту *книжку* (кою я имею честь *подсунуть* тебе *в карман*, благосклонный читатель!) надлежало бы назвать не «*Устрашения*», а «*Крестовые походы филолога*», ведь, как *Евгений*,

¹ Плод сирийского дерева *Ficus fatua* известен под названием «Фараонов инжир», а плод египетского дерева (сикоморы) – как Адамов инжир. Приверженцам основательности и учёности должно обратиться за советом к ведунам и толкователям знамений, прежде всего, ботанических знаков, касательно *Ам. 7:14*.

² См. «Гамбургские ведомости из царства учёности», номера 7 и 50 за 1761 год (Голова, неизлечимая даже тремя дозами чемерицы из Антикиры).

³ Намёк на Англию, которой тогда правила Ганноверская династия, происходившая из древнего немецкого рода Вельфов. Тем самым Гаман иронично указывает на то, что это средство имеет английское происхождение (английские деизм, скептицизм и свободомыслие), хотя немцы получали его в обёртке «французской моды» (прим. пер.).

⁴ Д’Аламбер, Жан Лерон (1717-1783) – французский учёный-энциклопедист, философ, механик и математик (прим. пер.).

⁵ Террасон, Жан (1670-1750) – аббат, французский писатель, филолог и профессор, наиболее известный своими историко-философскими романами (прим. пер.).

⁶ *Altissimo orbe*. Тацит, *История*, т. V, с. 4.

⁷ Краткое изложение *Апологии* Марсилио Фичино в собрании сочинений Платона: «Если ты спросишь: каков был демон Сократа? – Будет отвечено: сатурнический, поскольку он ежедневно удивительным образом отвлекал устремление ума от тела. Он никогда не побуждал (к действию), ибо был не марсианским, но часто удерживал от действий, потому что был сатурническим».

⁸ Речь идет о Рее Сильвии, матери близнецов Ромула (обожествлённого после смерти под именем Квирина) и Рема (прим. пер.).

«бьёт он в лицемерные барабаны

Тут, а там изображает *болящего в постели*».

«*Эллинистические*¹ письма» (скажут те, кто ничего не понимает, ибо мерит себя по себе самим и только себя и хвалит) «весомы и сильны, но присутствие личности слабо заметно, а *речь* достойна презрения». *Лицедейство*², как говорил Демосфен, – это *душа* красноречия, а также *стиля письма*. Автору, любящему *лицедейство*, не обязательно по этой причине *перебивать* искусствоведа или газетного писаку либо *сбивать с толку актёров*, если он не желает, чтобы его *лицедейство* было нарушено; но у того писателя, коему пришлось *сыграть в ящик*, уста запечатаны достаточно.

«Всех счастливей в трудах, всех выше духом отважным

Тот для меня, кто смерть предпочтет такому исходу

И, чтоб не видеть его, будет землю грызть, умирая»³.

(Вергилий, *Энеида*, кн. XI, стих 416 и далее)

Сухой провиант, который брали с собой жители *Гаваона*, был жёстким и заплесневелым⁴. Так что да здравствует *Каббала*!

«До чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою»⁵.

Ни «Разрази меня молния, гром и град!» и прочие отчаянные выражения, кои изрёк Балакин, когда его взору с холма при наступлении дня открылся великий и прекрасный град Пегу⁶; ни эпический роман, который озвучил некий достопочтенный поп⁷ – не смогут даже в малой степени сравниться с той смешной нелепицей, коя грозит нам, если всякий сержант примется стремглав представлять на суд публики свои диванно-походные стихотворения, а всякий мечтатель в цветном сюртуке⁸ впопыхах – свои «экзерциции». –

Ночные скачки рысью завершает детский памятник – создателю оно нежно настроенные умы вместе со мной пожелают, дабы он был утешен, – как тот праотец (имя которого, правда, было связано со смехом, но главной страстью коего, как кажется, было внушать страх), познавший утешение над могилой своей матери⁹. – Но если ксилография на титульном листе должна представить

¹ В XVIII веке термин «эллинистический» имел конкретное отношение к языку греческого Нового Завета, который многие считали либо отдельным диалектом, либо упрощённой формой греческого языка (прим. пер.).

² Ὑποκρισις

³ Текст *Энеиды* здесь и далее приведён в переводе С. А. Ошерова (прим. пер.).

⁴ *Нав. 9.*

⁵ *Иов 6:7.*

⁶ Это место отсылает к барочному роману *Азиатская Баниза* (1689), где принц Балакин смотрит издали на столицу Пегу. Гаман использует этот образ как метафору своего творчества, уподобляя себя герою, а эпоху Просвещения – враждебному городу, который он критикует с позиции христианского мистицизма (прим. пер.).

⁷ См. *Лирические, элегические и эпические стихотворения* и т. д., Галле, 1759. С этой толстой книгой случилось то же, что с оливковым деревом, которое так сильно оббивают, что едва остаются две-три ягоды на верхушке или четыре-пять на ветвях, прежде густо увешанных плодами. Ибо *summum ius – summa iniuria* (высшее право есть высшая несправедливость); поэтому всякий анакреонтический добряк должен был бы вспомнить поговорку, когда находят суслика в виноградине и говорят: «Не губи его! ибо в нём есть благословение!» (*Ис. 65:8; ср. 17:6.*)

⁸ «Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его, – и сделал ему разноцветную одежду» (*Быт. 1, 37:3*). «И сказали друг другу: вот, идёт сновидец» (*Быт. 1, 37:19*).

⁹ «И ввёл её Исаак в шатёр Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил её; и утешился Исаак в печали по матери своей» (*Быт. 1, 24:67*). «И сказала Сарра: смех сделал мне Бог; кто ни

филолога либо, скажем, его прекрасную натуру в виде изображения, то ему придётся найти себе среди антиподов свою госпожу де Ментенон¹, коя в состоянии с одинаковым неистовством любить комического уродца и наихристианнейшего Уленшпигеля. –

Можно легко преодолеть эту двойную сердечную боль – оттого, что тебя не понимают твои современники., и оттого, что тебя из-за этого подвергают избиению, мечтая о более совершенном вкусе будущих поколений. Счастлив тот автор, которому суждено сказать: «Если я слаб, то я силён!» – но ещё более блажен тот человек, цель и карьера коего уплывают в облако тех свидетелей, которых этот мир не стоил.

Читателям, в какой-то степени разделяющим эту точку зрения, а также тем, кому уже надоело читать это посвящение или предисловие, честь имеет кланяться

Издатель.

Содержание:

1. Опыт Аристовула об академическом вопросе
2. Смешанные замечания о сочетании слов во французском языке
3. Святые волхвы с Востока в Вифлееме
4. Скорбная песнь в форме послания о состоянии церковной музыки
5. Французский проект полезной, зарекомендовавшей себя и новой прививки
6. Химерические мысли, дополненные посвящением известному газетному автору в царстве учёности
7. Трилистник эллинистических писем
8. Лакомства
9. Рапсодия в каббалистической прозе
10. Латинские экзерциции
11. Юношеские стихотворения по случаю
12. Памятник

Опыт Аристовула об академическом вопросе²

«Я пою о пирах и о прелестницах,
Острый чей ноготок страшен для юношей,
Будь Я страстью объят или не мучим ей...»³

К этому:

услышит обо мне, рассмеётся» (*Быт. 1, 21:6*). «Если бы не был со мною Бог отца моего, Бог Авраама и страх Исаака, ты бы теперь отпустил меня ни с чем. Бог увидел бедствие моё и труд рук моих и вступился за меня вчера» (*Быт. 1, 31:42*).

¹ Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635-1719) – воспитательница детей, фаворитка, позднее морганатическая супруга короля Людовика XIV (прим. пер.)

² В 1759 г. Берлинская академия определила темой своего конкурса сочинений того года вопрос о взаимовлиянии языка и мнений. Победителем конкурса стал И. Д. Михаэлис, его сочинение было опубликовано в 1760 г. (прим. пер.).

³ Гораций, *Оды*, кн. I, ода 6 (перевод Г. Ф. Церетели – прим. пер.).

«Участь Приама пою и войну достославную Трои!» – так некогда писал поэт циклического эпоса¹.

Содержание этого небольшого сочинения таково, что я не могу потребовать ни от одного из своих читателей проникнуть в смысл оною. Поэтому я считаю нужным пояснить, что намерен изложить на бумаге некоторые мысли по поводу задания, предложенного Берлинской академией наук в 1759 году. Это знаменитое общество сочло достойным обнародовать это конкурсное сочинение наряду с шестью работами моих соперников под следующим заглавием: «*Диссертация, удостоенная премии, объявленной Королевской академией наук и изящной словесности Пруссии, о взаимном влиянии языка на мнения и мнений на язык. С приложением сочинений, участвовавших в конкурсе. Берлин, 1760*».

По моему мнению, ответ на вопрос о взаимном влиянии мнений и языка было бы легче обозреть, если бы само задание было разъяснено с самого начала, прежде чем следовало приступить к его выполнению². Однако учёные³, по-видимому, не нуждаются в подобной сухой основательности, чтобы понимать друг друга, или же, возможно, именно по поводу туманных тезисов им пишется многословнее и красивее всего. Поэтому для простых читателей будет полезно, если не восполнить сей недостаток, то хотя бы указать на него на этих страницах.

Понятие, вкладываемое в слово «мнения» (opinions), двусмысленно, ибо иногда их приравнивают к истинам, а иногда противопоставляют им⁴; а то, что называют «языком» (langage), чрезвычайно многосторонне. Соотношение и связь между познавательной способностью нашей души и способностью её тела к обозначению – наблюдение довольно обычное, однако исследований его природы и границ пока ещё мало. Поэтому между всеми человеческими языками должны существовать сходства, основанные на единообразии нашей природы, а также сходства, необходимые в ограниченных общественных областях.

Слово «*влияние*» предполагает заранее гипотезу, которая едва ли пришлась бы по вкусу и стороннику Лейбница⁵, и приверженцу академической науки. Первый, возможно, употребил бы термин «гармония», скептик же слишком осторожен, чтобы на основании одной лишь взаимной соотнесённости вещей

¹ Гораций, *Наука поэзии*, с. 136-137 (здесь и далее – в переводе М. Дмитриева – прим. пер.).

² «Во всяком деле, юноша, надо для правильного его обсуждения начинать с одного и того же: требуется знать, что же именно подвергается обсуждению, иначе неизбежны сплошные ошибки. Большинство людей и не замечает, что не знает сущности того или иного предмета: словно она им уже известна, они не уславливаются о ней в начале рассмотрения; в дальнейшем же его ходе это, естественно, сказывается: они противоречат и сами себе, и друг другу. Пусть же с нами не случится то, в чём мы упрекаем других. Раз перед тобой и передо мной стоит вопрос, с кем лучше дружить, с влюбленным или с невлюбленным, нам надо условиться об определении того, что такое любовь и в чём её сила, а затем, имея это в виду и ссылаясь на это, мы займемся рассмотрением, приносит ли она пользу или вред» (Платон, *Федр*, речь Сократа) (здесь и далее – в переводе А.Н. Егунова, прим. пер.).

³ «Они станут мнимомудрыми вместо мудрых» (там же).

⁴ «Значит, софист оказался у нас обладателем какого-то мнимого знания обо всём, а не истинного» (Платон, *Софист*) (перевод С. С. Ананьина. прим. пер.). «Ибо знание и мнение – это две вещи: одно делает знающим, другое – незнающим; знание делает знающим, мнение же – незнающим. И священные предметы открываются лишь священным людям; профанам же это не дозволено, прежде чем они будут посвящены в таинства знания». Этим заканчивается закон Гиппократа.

⁵ Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646-1716) – немецкий философ, математик, физик, юрист, изобретатель искусственного языка пазиграфия (прим. пер.).

заведомо допускать их воздействие друг на друга, ибо один и тот же язык слишком часто используется для выражения противоположных мнений – и наоборот. Впрочем, я охотно оставляю здесь этот термин, поскольку полагаю даже, что автор способен посредством подспудного влияния на мнения и язык учёного сословия склонить большинство голосов в свою пользу, хотя подобное исследование относится уже к казуистике и алгебре случайностей. Теперь я попытаюсь лишь разложить многообразный смысл данного академического задания на несколько *произвольных* положений, которые мне легче всего обозреть и оценить, подобно тому, как известный македонский юноша разрубил Гордиев узел и тем самым исполнил пророчество оракула.

Во-первых, естественный образ мышления влияет на язык. Как всеобщая история, так и история отдельных народов, обществ, сект и людей, сравнение разных языков, равно как и одного и того же языка в различных временных, пространственных и предметных условиях, порождают здесь целый океан наблюдений, которые учёный *философ* мог бы свести к простым принципам и общим классам. Если наши представления ориентируются на точку зрения души, а эта точка зрения, по мнению многих, определяется положением тела, то это же можно отнести и к телу целого народа. Очертания его языка будут соответствовать направлению его мышления; и каждый народ демонстрирует его посредством природы, формы, законов и обычаев своей речи так же, как при помощи внешнего обличия и зримых общественных поступков. Ионийский диалект сравнивали с платьем его носителей, а юридическая педантичность, которая столь ослепила иудейский народ во времена божественного искушения, весьма заметна и в его языке. Из этого направления мышления возникают сравнительное богатство в одних областях одного и того же языка и сосуществующая с ним бедность в других, а также все явления, проистекающие из такого несоразмерного распределения, которые рассматриваются то как их совершенство, то как несовершенство; своеобразие, замечаемое в идиомах, и всё то, что называют гением языка. Эту натуру языка не следует смешивать ни с грамматикой, ни с красноречием – так же, как сходство картины с её предметом существует независимо от равномерности рисунка и сочетания красок или света и тени. Читатели, знакомые хотя бы с хорошей газетой или библиотекой, легко припомнят имена двух учёных (Готтшеда¹ и Михаэлиса²), один из коих, что постарше, обладает необыкновенной проницательностью и заслугами в области грамматики и исследования немецкого языка, а тот, что моложе, – в области грамматики и изучения восточных языков. Однако они не только переняли множество предрассудков философской миопии и филологического базарного ора касательно гения этих языков, но и стремятся отстаивать их публично. Почётный титул преподавателя языка и полигистора не нужен тому, кому посчастливилось обрести гений своей профессии. Здесь также справедливо то, чем хвалится Гесиод касательно управления судном:

¹ Готтшед, Иоганн Кристоф (1700-1766), немецкий писатель, критик, историк литературы и театра (прим. пер.).

² Михаэлис, Иоганн Давид (1717-1791), востоковед и представитель рационалистической библеистики, подвергшийся резкой критике со стороны Гамана (прим. пер.).

«То покажу я тебе многошумного моря законы,
Хоть ни в делах корабельных, ни в плаванье я не искусен.
В жизнь я свою никогда по широкому морю не плавал...
Всё ж и при этом тебе сообщу я, что в мыслях у Зевса,
Ибо обучен я Музами петь несравненные гимны»¹.

Поскольку наше мышление основывается на чувственных впечатлениях и связанных с ними ощущениях, можно с большой вероятностью предположить о существовании соответствия между органами чувств и пружинами человеческой речи. Как природа придаёт глазу определённый цвет и форму, свойственные одному народу, так же легко она смогла придать незаметные для нас модификации их языкам и губам. Томас Уиллис (*Cerebri Anatome nervorumque descriptio & vsus: cap. XXII*)² нашёл в ответвлениях пятой пары нервов причину того, что кокетство и поцелуи служат всеобщим словарём любви, этой красноречивой страсти.

Общение с глухими и немymi проливает много света на природу древнейших языков. Даже простой выдох звука достаточен для выражения тончайших различий. Голоса животных кажутся нам более ограниченными, с точки зрения возможности их общения, чем они есть на самом деле, поскольку наши органы чувств бесконечно грубее. По мере того, как становится легче говорить³ и привычнее слушать, с обеих сторон возрастает рассеянность, и возникает потребность в новых вспомогательных средствах. Ритм и акцентуация когда-то заменяли диалектику на её заре; чуткое ухо и богатое звучанием горло позволяли в древности создавать такие герменевтические и гомилетические принципы, которые по основательности и очевидности ни в чём не уступают нашим. Из этого становится понятно, как особенности внимания и его предметов расширяют или ограничивают язык конкретного народа и придают ему тот или иной оттенок.

Во-вторых, модные истины, предрассудки *видимой значимости* и *авторитета*, циркулирующие в конкретном народе, образуют одновременно искусственный и случайный образ его мышления и оказывают особое влияние на его язык. Видимая значимость математического учения и авторитет французских и английских писателей обусловили у нас значительные противонаправленные изменения. Счастьем для нашего языка было то, что страсть к переводу и к доказательству взаимно уравновешивали друг друга: последняя превратила бы язык в чётки исчисленных искусственных терминов, а первая – в сеть, ловящую и принимающую всякую рыбу, хорошую и гнилую. Кто хочет исследовать влияние мнений на язык одного народа, не должен упускать из вида эту разницу. Первая разновидность мнений образует *устойчивый* образ мышления народа, вторая – *изменчивый*. Первую вполне можно считать *древнейшей*, а вторую –

¹ Гесиод, *Труды и дни*, пер. В. В. Вересаева (прим. пер.).

² Уиллис, Томас (1621-1675), английский врач. В 1664 г. опубликовал упоминаемую Гаманом работу *Анатомия мозга, к которой добавлено описание и функции нервов* (прим. пер.).

³ Samuel Werenfels *Diss. de Loquela*, в труде *Opusculis Theologicis Philosophicis et Philologis*. с. 760, 761.

новейшей. Для сравнения можно привлечь историю со шляпой в баснях Геллерта¹ или учение медиков о нашем теле, которое постоянно меняется в кратком круговороте лет и всё же остаётся тем же самым, на протяжении всего течения естественной жизни, от зачатия до тления².

Не помню, кто именно – аббат Плюш в его *Механике языков*³ или господин Дидро⁴ в его *Пастырском послании* о глухих и немых, писанном ради полезного обучения тех, кто уже знает, как надо спрашивать и как отвечать, – обвинил схоластическую философию в том, что она ввела во французский синтаксис обязательное ранжирование членов предложения. Я не стану здесь подвергать критике ценность этого предположения; однако какое влияние имели мнения на грамматики вымерших и живых языков! И большинство методов того, как понимать те и развивать эти, суть либо ошибки блужданий по стопам отцов, либо заблуждения той или иной модной истины, которую некий учёный муж⁵ умеет правдоподобно представить своим слушателям.

В-третьих, область языка простирается от орфографии до шедевров поэзии и тончайшей философии; его характер проявляется отчасти в *выборе* слов, отчасти же – в *построении* выражений. Поскольку понятие языка столь многозначно, то было бы лучше всего определить его по намерению использовать его как средство сообщения наших мыслей и понимания мыслей других людей. *Соотношение языка с этим двойным намерением* должно бы составить основное учение, из которого можно было бы как объяснить явления взаимного влияния мнений и языка, так и рассматривать их как данность.

Поскольку я знаю, что читателям «Кёнигсбергских известий»⁶ может быть безразлично раскрытие этого понятия и что мне нечего ждать от их суждений ни для моей славы, ни для моих доходов, то мне и не стоит напрягаться, чтобы разрешить этот академический вопрос данным ключом. Философ, которому сподручнее написать дюжину трактатов на научную тему, чем прочитать

¹ Геллерт, Кристиан Фюрхтеготт (1715-1769) написал ряд басен и рассказов в стихах. *Die Geschichte von dem Hute* («История о шляпе») появилась в первом томе его *Fabeln und Erzählungen* («Басни и рассказы», 1746 г.) и повествовала о шляпе, которая переходила от одного наследника к другому (прим. пер.).

² «Ибо и здесь смертная природа стремится к тому же, к чему она стремится и в приведенном выше случае, именно, по мере возможности, быть вечной и бессмертной. Она может достигнуть этого исключительно, когда производит на свет потомство, когда оставляет постоянно другое новое существо, взамен старого. Здесь мы имеем дело с тем же, что для каждого отдельного существа называется его жизнью и пребыванием в одном и том же существовании, всё равно, как один и тот же человек называется человеком с его младенчества и до наступления старости. Человек называется всё тем же самым человеком, хотя те части, из которых он состоит, и не остаются всё время одними и теми же, но они постоянно обновляются, возьмем ли мы волосы, плоть, кости, кровь, вообще всё тело. И не только тело, но и душу – возьмем ли мы привычки, характер, мнения, желания, удовольствия, горести, страхи. Всё это никогда не остается в человеке одним и тем же, но одно возникает, другое уничтожается. Ещё гораздо более странным является то, что наши знания не только одни возникают, другие уничтожаются, что мы никогда не остаёмся теми же самыми в наших знаниях вообще, но что с каждым знанием в отдельности происходит то же самое» (Диотима в *Пире* Платона) (здесь и далее – в переводе С. А. Жебелева – прим. пер.).

³ Плюш, Ноэль-Антуан (1688-1761), священник, профессор риторики и естествоиспытатель, писал под псевдонимом «аббат Плюш» и опубликовал в 1751 г. *La Mécanique des langues, et l'art de les enseigner* («Механику языков и искусство их преподавания»).

⁴ Дидро, Дени (1713-1784) – французский философ-просветитель, писатель и драматург

⁵ «Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами» (*Кол.* 2:4).

⁶ Эссе Гамана впервые было опубликовано в газете «Wöchentliche Königsberger Frag- und Anzeigungsnachrichten» («Еженедельные королевские кёнигсбергские известия») в 1760 г.

полдюжины уже напечатанных, будет столь же доволен той стезёй отношения, на которую его теперь увлекли, сколь и тот древний мудрец – видом геометрической фигуры, ибо он более не взирает на *незнакомые земли* как на незасеянную пустошь.

Наблюдений у нас достаточно, вследствие чего отношение языка к его многообразному употреблению может быть определено достаточно точно. Понимание этого соотношения и искусства его применять обретает своё место рядом с духом законов и тайнами управления¹. Именно это соотношение порождает *писателей-классиков*. Вздорное стремление смешивать языки и почерпнутая у других слепая вера в некие знаки и формулы суть иной раз государственные перевороты, которые более значимы в царстве истины, чем самый убедительный свежевыкопанный корень некоего слова или бесконечная генеалогия некоего понятия; государственные перевороты, которые даже в самом страшном сне не приснятся учёному болтуну-политикану или краснобайствующему подмастерью.

Я закончу несколькими примерами, в которых, как представляется, язык влияет на мнения, а мнения – на язык. Тот, кто пишет на чужом языке, должен приспособливать свой образ мышления, как любовник². – Тот, кто пишет на родном языке, обладает правом супруга³, если умеет им пользоваться. Мыслитель, думающий самостоятельно, неизбежно вторгается в язык; автор же, прибегающий к средствам, созданным обществом, смиряется с предписанными словами, как наёмный поэт – с заданными рифмами буриме, кои направляют его в колею наиболее подходящих мыслей и мнений. Общество в большинстве случаев демонстрирует по отношению к таким расхожим писакам ту же слабость, что и штатный учитель по отношению к детям, способным пересказывать заученное наизусть, даже если они разобрались в своём уроке не больше, чем господин Мериан⁴ – в новом родном языке учёной республики. Я ознакомился со связным и прелестным отрывком конкурсного сочинения этого достойного учёного мужа с тем большим удовольствием, что благодаря этому я смог вспоминать о чести быть с ним знакомым, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы выказать памяти нашей дружбы самое заслуженное уважение.

Любовь никогда не прекращается; пророчества исчезнут, языки умолкнут, знание упразднится; ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем...

¹ «Некоторые пытаются включить в число законодателей и Ономакрита, который будто бы был первым отличившимся в деле законодательства; указывают, что он, локр по происхождению, получил выучку на Крите, где он жил, изучая искусство мантики; что его товарищем был Фалет; что слушателями Фалета были Ликург и Залевк, а слушателем Залевка – Харонд» (Аристотель, *Политика*, кн. II, 12) (перевод С.А. Жебелева – прим. пер.).

² Каждый язык требует особого образа мышления и вкуса, которые ему свойственны; поэтому Энний хвастался, что у него «тройное сердце», почти как Монтень – своей «трёхэтажной душой». «Энний говорил, что у него три сердца, потому что он умел говорить по-гречески, по-осски и по-латински» (Геллий, *Аттические ночи*, XVII, 17).

³ «Пусть уж хоть раз дозволено будет мужу сделать грубую грамматическую ошибку» (Ювенал, VI, с. 456).

⁴ Мериан, Иоганн Бернхард (1723-1807), швейцарский член Берлинской академии, подготовил на французском языке резюме очерка Михаэлиса, которое было опубликовано в сборнике *Dissertation* (прим. пер.).

Смешанные замечания о порядке слов во французском языке, набросанные с патриотической свободой¹ высокоучёным французом немецкого происхождения²

Злонамеренному читателю – приветствие.

«Юноша, сказал он, – речь твоя не считается со вкусами толпы и полна здравого смысла, что теперь особенно редко встречается. Поэтому я не скрою от тебя тайн нашего искусства» (Петроний Арбитр, *Сатирикон*)³

«В исступленьи пророческом ты или шутишь в загадках?» (Гораций, *Сатиры*, кн. II, сатира 5)⁴

Деньги и язык суть два предмета, исследование коих столь же глубокомысленно и абстрактно, сколь распространено их употребление. Оба находятся в более близком родстве⁵, чем можно было бы предполагать. Теория одного объясняет теорию другого; поэтому кажется, что они проистекают из общих оснований. Богатство всякого человеческого познания основано на обмене словами⁶; и был один богослов проницательного ума, который назвал теологию – эту старшую сестру высших наук – *грамматикой языка Священного Писания*. Все же блага гражданской или общественной жизни связаны с деньгами как своим *всеобщим мериллом*, каковым их, по некоторым переводам, признавал ещё Соломон⁷.

Не следует, стало быть, удивляться, что красноречие в государственных предприятиях древнейших времён имело столь же сильный вес, что и финансовое дело – в благоразумии и удаче наших⁸. В теперешнем столетии Юлию Цезарю⁹, возможно, показалось бы столь же полезным сделаться необыкновенным монетчиком, как тогда ему казалось славным быть тонким

¹ Название отсылает к трактату Фридриха Карла фон Мозера 1759 г. *Der Herr und der Diener geschildert mit patriotischer Freiheit* («Господин и слуга, изображённые с патриотической свободой»; под «слугой» подразумевается «государственный служащий» или «министр»). Фон Мозер (1723-1798) был первым министром ландграфства Гессен-Дармштадт, и его трактат о государственном управлении перенял французские идеи Просвещения. В 1763 г. именно Мозер назовёт Гамана «Северным Волхвом» (прим. пер.).

² Гаман нередко иронично пишет о самом себе в третьем лице под маской «Издателя» (*Der Herausgeber*). Здесь он именуется «*Hochwohlgelahrte Deutschfranzos*» («высокоучённый немецкий француз») – это самоирония, намекающая на его собственные путешествия, знание языков и двусмысленный статус в глазах чопорной немецкой профессуры (прим. пер.).

³ Перевод В. А. Амфитеатрова-Кадашева под ред. А. В. Амфитеатрова, в переработке Б. И. Ярхо (прим. пер.).

⁴ Здесь и далее – в переводе М. Дмитриева (прим. пер.).

⁵ См. у Лейбница *Непредвзятые мысли касательно употребления и улучшения немецкого языка в Collectanea Etymologica*, ч. 1.

⁶ Речь – канал мысли; речь – и её мерило (Э. Янг).

⁷ *Еккл. 10:19*: «Пир устраивают для смеха, и вино веселит жизнь; а за всё отвечает серебро (деньги)». Аристотель, *Никомахова этика*, V, 8: «Необходимо, чтобы существовало нечто единое; но это – по соглашению (условно), поэтому оно и называется “νομισμα” (деньги), ибо делает всё соизмеримым: ведь всё измеряется деньгами». В первой книге “О государстве” он называет деньги «элементом и пределом обмена» (στοιχεῖον καὶ πέρασ τῆς ἀλλαγῆς).

⁸ Плутарх, *О том, что Пифия более не прорицает стихами*: «Ибо польза (или действие) речи подобна действию монеты». Тот же автор, *Жизнь Фокиона*: «Как ценность монеты обладает наибольшей силой при наименьшем объёме, так и сила слова, выражая многое, исходит из немногого».

⁹ См. де ла Поз в *Жизни Светония* в его французском переводе, с. XXXIV-XXXV.

грамматиком. Его книги *De analogia* утрачены и, вероятно, не были столь содержательны, как история его подвигов, как легко может заключить всякий критически настроенный читатель.

Нас столь же мало должно изумлять, что Варрон посредством своих сочинений о земледелии и этимологии подтвердил титул *учёнейшего из римлян*¹, если описание астрономического путешествия по Млечному Пути, апология метафизического лозунга, рекомендация новых «согласованностей и остроумных нелепостей» (как где-то пишет Бэкон²) в естественной и нравственной философии часто придают именам наших новейших писателей крылья, по крайней мере восковые.

Безразличие большинства коммерсантов, особенно удачливых, есть благодеяние для общества, которое в отсутствие патриотических добродетелей при более ясных познаниях подвергалось бы куда большей опасности, чем ныне ему может причинить урон злоупотребление их фиговыми листками. Лоу³, знаменитый торговец акциями, исследовал деньги как мудрец и государственный деятель; он рассматривал торговлю в большей степени как рискованную игру, ради которой он сделался странствующим рыцарем. Но сердце его не было равно его уму; это сломило шею его замыслам и сделало его память ненавистной, и восстановление его честного имени я ограничу лишь ссылкой на его письменное наследие.

Невежество учёного относительно глубин⁴ языка точно так же подает руку бесконечным злоупотреблениям, но, может быть, предупреждает ещё большие, которые тем вреднее были бы для человеческого рода, чем менее науки исполняют ныне своё обещание исправлять умы. Этот упрёк более всего касается художников слова и филологов, которых можно рассматривать как банкиров учёной республики. «Не во гнев вам будь сказано, вы первые погубили...» (Петроний).

При сравнении, которое было предпринято по поводу одного спорного вопроса касательно латинского и французского языков, пришли также к исследованию учения об *инверсиях* порядка слов. Известно, насколько далеко в языке Рима простирается свобода переставлять слова и что в школах существует обычай уничтожать эту красоту древних писателей посредством так называемого «конструирования», ибо посредством этого методического злоупотребления ухо юношества лишается упражнения в благозвучии, присущем латинскому периоду, и вместе с тем часто утрачивается сила смысла, когда при помощи расположения

¹ «Учёнейший из людей в тоге» (Цицерон, *Учение академиков*).

² Бэкон, Френсис (1561-1626) – мыслитель, писатель, один из первых английских философов Позднего Возрождения.

³ Лоу, Джон (1671-1729) – шотландский авантюрист, ставший гражданином Франции, а затем министром финансов этой страны; был вынужден уехать в изгнание после краха созданной им финансовой системы.

⁴ «Установление языков произошло не посредством рассуждений и академических обсуждений, а через, на первый взгляд, причудливое соединение бесчисленного множества случайностей; и, однако, в их основе господствует своего рода весьма тонкая метафизика, которая всем этим руководила. Одна из самых трудных задач – раскрыть эту метафизику, которая скрыта и заметна лишь для достаточно проницательных глаз. Дух порядка, ясности и точности, необходимый в этих тонких исследованиях, и будет ключом к более высоким наукам, если применять его так, как это им приличествует» (Фонтенель, т. 3, с. 382).

слов должно пробуждаться и постепенно поддерживаться внимание читателя или слушателя¹.

Немецкий язык по своей природе способен к этим инверсиям более других, и его дерзость содействует престижу нашего поэтического стиля. Хочу привести небольшой пример. Мы можем без ущерба для чистоты и ясности сказать:

Er hat mir das Buch gegeben. Он дал мне книгу.

Mir hat er das Buch gegeben. Мне дал он книгу.

Das Buch hat er mir gegeben. Книгу дал он мне.

Gegeben hat er mir das Buch. Дал он мне книгу.

Первый порядок слов есть самый прямой; ударение может падать на того, кто дал. Во втором случае главный смысл покоится в слове «мне»; в третьем указывается на книгу; в последнем – на действие глагола. Из этого видно, что инверсия вовсе не произвольна или случайна, но подчинена суждению *разума* и *слуха*.

Причина же, почему синтаксис некоторых языков более или менее допускает эту перестановку слов, зависит большей частью от свойств их грамматической этимологии. Чем более она характерна, тем более инверсий допускается в расположении слов. Чем разнообразнее и чем чувственнее обозначаются этимологией языкового творчества изменения подвижных частей речи, а именно существительных и глаголов, тем свободнее может быть их синтаксическое соединение. Но этимология французского языка имеет частью не столь многие, частью не столь явные признаки; поэтому употребление инверсий в его словорасположении исключает себя само.

Французскому языку совершенно недостаёт падежных окончаний и, следовательно, склонений². Чтобы обозначить зависимость имён существительных, чаще всего употребляют предлоги *de* и *à*, как в английском *of* и *to*, которые можно было бы сравнить со знаками + и – (знаками двух главных изменений в учении о величинах).

Имя существительное, которое непосредственно (то есть без предлога) управляется глаголом, должно, следовательно, занимать правильное место после него, если мне нужно обратить внимание на эту зависимость:

Le jeune Hébreu tua le géant. Молодой иудей убил великана.

Le géant tua le jeune Hébreu. Великан убил молодого иудея.

«Те же артикли, те же слова – и два противоположных смысла», – говорит писатель, у которого я заимствую этот пример³. Немецкий язык, напротив, допускает здесь перестановку без изменения смысла:

Der hebräische Jüngling erlegte den Riesen. Иудейский юноша убил великана.
или:

Den Riesen erlegte der hebräische Jüngling. Великана убил иудейский юноша.
Окончаний немецкого артикля и имени существительного достаточно для отграничения области глагола, и положение слов этого различия не отменяет.

¹ *Oeuvres du Conte Algarotti*. Т. VII. с. 304.

² «Фригийцы, лишь немного отступая» (Сократ в *Кратиле* Платона).

³ *La Mécanique des langues ou l'art de les enseigner*. Par Mr. Pluche, à Paris 1751, в первой книге.

Как латинская форма склонения проникла во французскую грамматику посредством её неверного применения, так и учение об артиклях в ней запуталось в результате поверхностных наблюдений. Ради краткости¹ я отсылаю к грамматике Ресто², ни обобщить, ни дополнить которого не желаю, ибо это стоило бы мне больших усилий.

Происхождение артикля пытались приписать сарацинам; насколько это обосновано, не знаю. Возможно, они же ввели в поэтическое искусство колокольный перезвон или звучание рифмы^{3 4}.

В трактате епископа Пантопидана⁵ о датском языке, помнится, я прочитал, что оный язык обладает той особенностью, что артикли приставляются к именам существительным в конце⁶. Довольно сходный контраст обнаруживает *emphasis Aramaea* (эмфатический статус) в восточных диалектах.

Истинное употребление артикля преимущественно логическое⁷ и служит тому, чтобы придать значению слова ограничение либо особое направление.

В чём именно состоит природа этого определения, заключённого в артиклях *le, la*, и каковы виды этого определения, ещё недостаточно ясно изучено⁸. Виной тому, по моему мнению, большей частью – недостаточные объяснения истинного понятия самостоятельного имени и прилагательного (*nominis Substantivi & Adiectivi*), которое заслуживает первого места среди онтологических проблем. Все имена собственные суть всего лишь

¹ «Ничто не может быть более совершенным для чистого и образованного слуха» (Квинтиллиан, кн. X).

² Ресто, Пьер (1696-1764) написал в 1730 г. работу *Principes généraux et raisonnés de la grammaire française* («Общие и рациональные принципы французской грамматики»); при его жизни она выдержала несколько изданий (прим. пер.).

³ «Ритмы с аллитерацией чрезвычайно приятны слуху арабов» (Albert Schultens, *Florilegium sententiarum arabicarum*, с приложением *Rudimenta Linguae Arabicae* Томаса Эрпениуса, с. 160). В предисловии Схультенс говорит об этом цветочном букете: «Флорилегий – это извлечение изречений из рукописного кодекса публичной библиотеки, в которых особенно ярко проявляется гений арабского языка и можно увидеть его природный характер, который сквозь ритмы и аллитерации сверкает чистыми остротами». Это весьма изящное собрание озаглавлено *Эль Навабиг* или *Эн-Навабиг* – название, обозначающее отчасти «изливающегося» (вдохновенных) поэтов, отчасти стихи или ритмы, отличающиеся неким более благородным течением. Всё это небольшое сочинение достойно того, чтобы быть изданным вместе с комментарием *Аз-Замахшари*, которого можно по праву считать первым среди арабских филологов.

⁴ Эта мысль уже принята многими учёными за историческую истину. Лишь недавно я прочитал у Джаннони в *Истории Неаполя*, книга IV, глава X, что будто бы первыми рифмы у арабов заимствовали *сицилийцы*, а затем уже и прочие итальянцы. Томмазо Кампанелла знал наизусть славянскую песню, где говорилось о том, что арабы принесли рифму в Испанию. *Издатель*.

⁵ Возможно, имеется в виду епископ Эрик Эриксен Понтопидан (1616-1678), автор *Grammatica Danica* (1628) (прим. пер.).

⁶ «Баски обозначают тот же самый смысл энклитической частицей, которую они ставят в конце имён» (Бозе, *Всеобщая грамматика*, т. I, с. 313).

⁷ «Числительный (неопределённый) артикль (*ein, eine*) обозначает применение общего слова к некоторому частному случаю (будь то вид или, по крайней мере, неопределённый индивидуум). Указательный (определённый) артикль (*der, die, das*) обозначает определённость одного или нескольких частных предметов (к которым фактически применяется общее слово). Ни один из этих артиклей не ставится ни перед общим словом, употреблённым в общем значении (поскольку его значение не относится к частным случаям), ни перед именем собственным (которое само по себе уже указывает на индивидуум, притом определённый), ни также там, где присутствует какое-либо прилагательное, которое виртуально содержит эти артикли (ибо тогда они были бы излишни)» (Джон Уоллис, *Grammatica Linguae Anglicanae*, Оксфорд, 1653, гл. 3).

⁸ *Grammaire generale & raisonnée. Ouvrage de l'invention du grand Arnauld & de la composition de Dom. Cl. Lancelot. Edition de Meynier à Erlang, 1746. p. 49.*

прилагательные¹; поэтому они не требуют артикля, но посредством его прибавления становятся нарицательными (*Appellativis*) так же, как имена прилагательные становятся существительными во французском языке. На этом основаны главные правила определения рода слов в латинском и прочих языках. Эта двойственность грамматического качества имён существительных не отмечена («Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном при утрате такой?»²) в *Философских размышлениях о происхождении языков и о значении слов Мопертю*³.

Читатели, которые понимают не только то, о чём им пишут, но и то, на что им намекают⁴, легко продолжают настоящие замечания без дальнейшего руководства относительно этимологической структуры глаголов, которая во французском языке больше бросается в глаза, чем достигает слуха. Детям, коим надобно засунуть в рот измельчённые в кашу готовые куски, подходят те писатели, которые являются скорее обстоятельными наставниками, чем простыми переписчиками нот. У знатоков и любителей, которые сами умеют составлять примечания, нет недостатка ни в способности пользоваться примечаниями других, ни в ловкости восполнять эллипсы в трактате без помощи какого-нибудь Ламберта Боса⁵.

Вообще услужливость личных местоимений во французском языке есть удобный признак глаголов, которые по своим окончаниям редко отличаются от имён существительных и определительных слов; благодаря этому также полностью предотвращается неизбежное в противном случае недопонимание лица, как в немецком языке.

Отрицательная частица *ne*, относительные частицы *у* и *en*, которые предшествуют глаголам во французском языке, вероятно, были вынуждены сами выбрать это место ради своей безопасности, так как для смысла предложения бесконечно многое зависит от их монадного тела. Порядок всех этих частиц, к которым относятся ещё и некоторые союзы, по-видимому, также определяется плавностью произношения и некоторыми случайностями их соединения.

«Сила и прелесть порядка, я думаю, в том, чтоб писатель
Знал, что где именно должно сказать, а всё прочее – после,
Где что идёт; чтоб поэмы творец знал, что взять, что откинуть,
Также чтоб был он не щедр на слова, но и скуп, и разборчив»
(Гораций, *Наука поэзии*)

Теперь я отряхиваю пыль мастерской с моего пера, которое для разнообразия ещё осмелится сделать вылазку в более свободное поле

¹ Лейбниц, как известно, вывел из этого аксиому: «*Omnia nomina propria aliquando fuisse appellativa*» («Все собственные имена когда-то были нарицательными»).

² Гораций, *Оды*, кн. 1, ода 24 (перевод А. П. Семёнова-Тян-Шанского – прим. пер.).

³ Мопертю, Пьер-Луи Моро де (1698-1759), французский математик и астроном, член Берлинской академии (и её президент с 1745 по 1753 гг.), опубликовал в 1747 г. свою работу *Réflexions philosophiques sur l'origine des langues et la signification des mots* («Философские размышления о происхождении языка и значении слов») (прим. пер.).

⁴ «Во всех его произведениях всегда подразумевается больше, чем изображено», говорит Плиний о кисти Тиманта, *Естественная история*, кн. XXXV, гл. 36.

⁵ Голландский учёный, чей глоссарий об эллиптических оборотах греческого языка известен в школах.

размышления и вкуса; если прежде напомним тем, кто обвиняет французский язык в монотонности его словорасположения, не принимая во внимание то, что подобная равномерность неизбежна и в латинском языке вследствие слышимых окончаний и их частого совпадения.

Руссо, философ из Женевы¹, в *Послании о французской музыке* пытался оспорить всяческие притязания этой нации на заслуги в музыкальном искусстве в силу свойств её языка. Для него это беспроектная партия, если взять за образец сравнения церковную музыку наших колонистов², либо призвать в *третьи судьи* касательно гармонии мечтательный голос итальянских кастратов. Но недостатки, которые вдоволь приписывают языкам, всегда происходят от неспособности автора или композитора правильно *выбирать* свою *материю* и *способ* её обсуждения. «Когда из-за лени [или беспечности] растрачены силы, время и талант, обвиняют слабость природы: вину за свою [ошибку] творцы перекалывают на обстоятельства»³:

«Кто выберет дело по силам, того

Не покинет ни дар слова, ни ясность порядка»⁴.

То, что французский язык сам по себе пригоден для эпической поэзии, это скорее можно заметить по некоторым популярным сатирическим песенкам, нежели по *Генриаде*. Заключение, сделанное на основании уличной песенки, насчёт будущей реальности героической поэмы никому не покажется странным с того времени, как рука некоего мастера открыла происхождение важного жанра, коим является эпопея, причём во Франции, от ничтожной *сатирической песенки*. «*Бурбоны*», – признаётся заслуживающая доверия летописица *своего времени*⁵, –

¹ Руссо, Жан-Жак (1712–1778) – франко-швейцарский философ-просветитель, писатель, музыковед, композитор и естествоиспытатель (прим. пер.).

² Гугенотов, эмигрировавших из Франции в Пруссию (прим. пер.).

³ Саллюстий, *Югуртинская война*, гл. 1.

⁴ Гораций, *Наука поэзии*, строки 40–41 (перевод М. Гаспарова – прим. пер.).

⁵ См. *Господина и слугу, изображённых с патриотической свободой*, с. 147. Чтобы соответствовать заглавию моих *смешанных замечаний*, я пользуюсь этой случайной ссылкой, чтобы высказаться со своим высокоучёным патриотизмом об изображении господина и слуги. – Эта рапсодия отчасти соткана из французского шёлка; потому мы были столь добросовестны, что возместили Франции с лихвой пользование её материалами. Ещё одно доказательство *немецкой честности*, которая, однако, часто вредит приращению мудрости. Поскольку блестящая кожа обложки оригинала привлекла много внимания, здесь должно быть вставлено краткое расчленение его внутреннего строения: «Автор кажется посторонним в кабинетах, но тем более своим в аудиенц-залах и канцеляриях. – Истинное государственное искусство, слишком деятельное и слишком хитрое, чтобы задерживаться на *pis desideriiis* [благочестивых пожеланиях], не должно также смешиваться ни с *нравственными изречениями*, ни с *хозяйственными выгодами*, ни с *церемониальными законами*. – Его знание *литературы и света* ненадёжно, *Fundusque mendax* [также лживо основание], к чему можно было бы применить то, что Гораций говорит об общении с *матронами*: «Оттуда больше приходится черпать дурного труда, чем срывать плоды самого дела». Склад *изящного вкуса* не может заменить свидетельств учёности. Непостоянный глаз любопытного (но без неподвижного *испытующего* взгляда) наблюдателя, особенно в путешествиях, а ещё более при *дворах*, утомляется, не насыщаясь, даёт больше рассеяния, чем поучения, приучает скорее к *восхищению*, чем к суждению, которое в *порицании* должно быть правильнее и тоньше, чем в похвале. – Неудобоваримость предметов делает стиль нездоровым, так что он на вкус больше похож на жёлчь и уксус, чем на соль и пряность, и чередует холод и жар». Наставник маленьких князей (которые, однако, как говорят, имеют *великих слуг* – см. в т. XI *Писем, касающихся новейшей литературы*, послесловие к 180-му письму, с. 37 – и в самом деле нуждались бы в них больше всего) сумеет принять эту *licentiam poeticam* [поэтическую вольность] схолиаста с той умеренностью, какая приличествует и преклонному возрасту, и его плодам, что и предсказывает предисловие. Впрочем, душа господина фон Мозера слишком благородна для того, чтобы предпочесть поцелуи портомоя побоям любовника, предиктованным вполне благими помыслами.

«люди, весьма усердно занятые пустяками, – быть может, и я сама не меньше других»¹.

Чистота языка лишает его богатства; слишком строгая правильность – его силы и мужественности. – В таком большом городе, как Париж, ежегодно можно было бы без труда отыскать сорок учёных мужей, кои безошибочно представляют себе, что в их родном языке чисто и изящно и что необходимо для монополии этой мелочной торговли². – Но раз в столетия случается, что дар Паллады – в облике человека – нисходит с небес, уполномоченный управлять общественным сокровищем языка с мудростью, – подобно Сюлли³, или умножать его с рассудительностью – подобно Кольберу⁴.

Святые Волхвы с Востока в Вифлееме

«Что же хочет сказать этот пустослов?» (Деян. 17:18).

«Мальчик, мать узнавай и ей начинай улыбаться» (Вергилий, Буколики, эклога IV)⁵.

Публике в этом году, на краю которого мы стоим, было возведено о двух учёных посольствах, из коих первое имеет предметом астрономическое явление, о котором уже написали в наших «Кёнигсбергских известиях», информируя и возбуждая интерес⁶ читателей; другое же посольство касается восточной литературы, коя может обогатить множеством исторических анекдотов историю человеческого рода, равно как и христианской религии в её древностях.

Мои теперешние размышления останутся там, где пребывал младенец, таинственное рождение которого пробудило любопытство ангелов и пастухов и ради поклонения, которому поспешили в Вифлеем волхвы с Востока, следуя некоему редкостному путеводителю. Их радость по поводу наконец достигнутой цели их паломничества, без сомнения, выразилась в *солецизмах*, которые, по обыкновению, свойственны сильным и внезапным страстям.

¹ Под этой «летописицей» скрываются Анна Мария Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье (1627-1693) либо знаменитая герцогиня Орлеанская – Елизавета Шарлотта, или Лизелотта, Пфальцская (1671-1701), невестка Людовика XIV, которая в своих откровенных и едких мемуарах и письмах оставила крайне нелицеприятные портреты французского двора, описывая, как короли и принцы часами занимались придворным этикетом, сплетнями, модами и пустяками (*bagatelles*), полностью забросив управление государством. Гаман напоминает тем самым читателям, что культура Просвещения, перед которой преклоняется прусская элита во главе с Фридрихом II, создана королями и придворными, чей главный талант – это «усердие в пустяках». Французский «блестящий вкус» – это лишь фасад, за которым скрывается пустота и мелочность (прим. пер.).

² Гаман намекает на Французскую академию, основанную в 1735 г. и состоящую из сорока членов, а также на её задачу – составить словарь, отражающий наилучшее употребление слов (прим. пер.).

³ Максимильен де Бетюн, герцог де Сюлли (1560-1641), выдающийся французский государственный деятель, суперинтендант финансов и ближайший соратник короля Генриха IV (прим. пер.).

⁴ Кольбер, Жан-Батист (1619-1683) – генеральный контролёр финансов при Людовике XIV (прим. пер.).

⁵ Здесь и далее – в переводе С. В. Шервинского (прим. пер.).

⁶ Достопримечательный и давно ожидаемый редкий проход Венеры по солнечному диску, каковой поутру 6 июня 1761 года окажется особенно видимым на нашем кёнигсбергском горизонте и крайне желательным для развития астрономии, – рассчитанный почитателем этой прекрасной науки по различным астрономическим таблицам и обнародованный ради приглашения других почитателей к наблюдению этого важного события крещёным евреем, землемером.

Если муза столь же счастливого поэта, сколь и проницательного судьи искусства, осмелилась воспеть визит пастухов в ясли в певческой пьесе, то и мне дозволено будет возжечь несколько зерен ладана сократических мыслей в память о мудрецах с Востока.

Вместо исследования учения тёмной секты и развалин её *теогонии* и *астрологии*, вместо предположения о магической звезде, которое не получилось бы ни в духе *Фонтенеля*¹, ни в *алгебраическом смысле*, – я ограничусь общим рассмотрением *нравственного значения* их путешествия.

Человеческая жизнь, по-видимому, состоит из ряда символических действий, посредством которых наша душа способна обнаруживать свою *невидимую природу* и осуществлять за пределами себя самой и передавать *наглядное* познание своего деятельного бытия.

Один только внешний, телесный состав действия никогда не сможет открыть нам его ценность; но представление его *побудительных причин* и его *последствий* суть самые естественные посредствующие понятия, из коих возникают наши заключения вместе с сопряжённым с ними одобрением или неудовольствием.

Этот закон опыта и разума, по-видимому, не благоприятствовал бы путешествию наших паломников, если бы оно пало жертвой их решений. *Побудительная причина* их прибытия, согласно их собственному устному свидетельству, навязывает нашему *суждению* давно устаревшее заблуждение, впечатление предания, которого они придерживались как твёрдого пророческого слова; – не говоря уже о том безобразии и неправом деле, которыми они как граждане погрешили против своего отечества столь далеко зашедшим почтением к чужому властителю. Что касается *последствий* их предприятия, то легко можно заключить, что матери, которые были вынуждены оплакивать избиение своих младенцев, также, несомненно, вздыхали и по поводу неосмотрительности и любопытства этих чужеземцев. Сам новорождённый царь иудейский должен был бежать, потому что был выдан своими почитателями Ироду, правившему антихристу, изначальному лжецу и убийце.

Трепещите, обманутые смертные, превращающие благородство своих помыслов в свою *праведность*! Система нынешнего года, которая избавляет вас от необходимости оправдывать ваши намерения, превратится в сказку в следующем году. Ободритесь, обманутые смертные, впадающие в отчаяние от последствий своих добрых дел и чувствующие *укусы в пятку* от вашей победы над злом! Воля Провидения должна быть для вас важнее, чем тщеславие ваших современников и потомков.

Но не будем оценивать истину вещей по удобству, с каким мы можем их себе представить. Существуют действия *высшего порядка*, для которых никакое *уравнение* не может быть выведено из *элементов* (положений) этого мира. То самое *Божественное*, что превращает в знаки чудеса природы и оригинальные

¹ Фонтенель, Бернар Ле Бовье де (1657-1757) – французский писатель, поэт, драматург и литературный критик (прим. пер.).

произведения искусства, отличает нравы и деяния *призванных Святых*. Не только конец, но весь образ жизни христианина есть шедевр¹ неизвестного *гения*, который признаёт и будет признавать на небе и на земле единого Творца, Посредника и Самосущего в преображённом *человеческом образе*.

«Жизнь ваша», – как сказано², – «сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе. И в другом месте сказано: «Мир потому не знает нас, что не познал Его. Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но ещё не открылось, что́ будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть»³. Да, да. Он придёт, дабы явиться во славе со Своими святыми и в великолении со всеми верующими.

Как бесконечно превзойдёт наслаждение тех, кто ожидает Его явления с любовью, ту великую радость, которую испытали наши мечтатели с Востока, когда увидели звезду! Полон настойчивости и простоты, первоисточник нашей веры возвещает:

«Возрадовались радостию великою зело»⁴

«На помощь Твою надеюсь, Господи»⁵

«Ибо ещё немного, очень немного – грядущий придёт и не замедлит»⁶

Кёнигсберг,

27/16 дня месяца Христова, 1760.

Скорбная песнь в форме послания о церковной музыке к одной остроумной даме, живущей за границей⁷

Напечатано

с огромными издержками для издателя, который настоятельно рекомендует своё послесловие вместо предисловия.

«Ещё сказал: чему уподоблю Царство Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё» (Лк. 13: 20-21)

Моя дорогая К...!

По суждению моего вкуса, Вы обладаете прелестью *Севинье*⁸ и, что до моего сердца, ценностью Ментенон. Позвольте этой напечатанной похвале, которая не лжива, увлечь Вас к дальнейшему чтению.

Я восполняю отсутствие моего визита, который недавно должен был бы Вам оказать, проезжая мимо вашего окна, сим торжественным посланием. Его

¹ Еф. 2:10: «Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять».

² Кол. 3:3,4.

³ 1 Ин. 3:1-24.

⁴ Мф 2:10.

⁵ Быт. 49:18.

⁶ Евр. 10:37.

⁷ Под этим собирательным образом Гаман иронично выводит идеального, понимающего читателя, свободного от предрассудков берлинской цензуры и франкомании (прим. пер.).

⁸ Мари де Рабютен-Шантал, маркиза де Севинье (1626-1696) – французская писательница, автор известных эпистолярив (прим. пер.).

содержание Вас, наверное, повергнет в изумление, хотя большинство представительниц вашего пола навостряют ушки, когда их поклонники касаются подобных струн под избранным мной заглавием. Если великому певцу Германии не показалось неприличным в *оде к Богу* мечтать о райской женщине, которая не стала *Евой*, – почему же должно вызывать негодование моё *ребяческое намерение* мимоходом поговорить о церковной музыке в элегии к остроумной даме?

Вы, верно, помните одну благочестивую даму, которая расточала искусное усердие своей *иглы* на милостыню: по этому примеру и моё перо однажды трудилось на пользу *учреждения еженедельного благотворительного сбора*¹. Хотя я желал ступить на учёную сцену лишь в скромном облике языкового маклера, я всё же постарался как добрый домохозяин вынести на рынок *старое* и *новое*. При всём *смирении* в выборе моей материи, при всей *верности* в её обработке, я, увы, должен был испытать на себе, сколь тщетна служба Мамоне у муз, и что от нашего общества нельзя ожидать той великодушной настроенности, с какой *Тот богач, который ради нас обеднел*, благоволил принять жертвование в две лепты. Всякое порицание самых дерзких придиричивых критиканов теряет своё жало, как только вспоминаешь, что честнейший и скромнейший предводитель² одного пути, который они называют сектой, должен был терпеть упрёки в *невежестве*.

Это *божественно*, подруга моя! Да, *божественно* – примерять на себя слабости слабых и не стыдиться ни их образа мышления, ни их плоти и крови; но вполне по-человечески – *гореть* и призывать огненные угли на голову тех, для кого истина становится камнем преткновения и кто гневается на то, чем он мог бы быть вразумлён и исправлен. Простите же юноше, который не может ни писать, ни любить без вдохновения, если он ворчит³ – и своей чувствительной ноздрёй, как сарматский медведь, отбрасывает мух⁴, которые бесстыдно и мстительно преследуют этого грабителя их военных трофеев в царстве Флоры.

Эти поэтические жалобы вызваны некоторыми *смешанными замечаниями*, которые я с патриотической свободой набросал *о порядке слов во французском языке* – по образцу одного именитого щёголя, который своей карикатурой на чёрное искусство *властвовать* и на *преклонение* перед героизмом осмеял тупую чернь. Позвольте мне вставить здесь одно место, которое я счёл основанием моего письма: «*Руссо, философ из Женевы, в послании о французской музыке пытался оспорить всяческие притязания этой нации на заслуги в музыкальном искусстве на основании свойств её языка. Для него это беспроектная партия, если взять за образец сравнения церковную музыку наших колонистов, либо призвать в третейские судьи касательно гармонии мечтательный голос итальянских кастратов*».

¹ Автор имеет в виду так называемый «труд ума», для которого были специально составлены предыдущие статьи.

² *Деян. 26:24-25* («Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая учёность доводит тебя до сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла»).

³ *Ис. 59:11* («Все мы ревём, как медведи, и стонем, как голуби...»)

⁴ *Пс. 117: 12* («Окружили меня, как пчелы, и погасли, как огонь в терне: именем Господня я низложил их»).

Какую же увеличительную линзу нужно иметь, чтобы раздуть этот комариный укус до размеров верблюжьих горбов некоего мирского писателя, который не только осмеливается представить церковную музыку мирной общины как плохое мерило для сравнения в прекрасном искусстве, но и впрягает святое и мирское в одно ярмо и (как привыкли выражаться наши недалёкие ревнители *обрезания христианства*) пытается согласовать Христа с Велиаром!

Я мог бы, *о моя Муза*, признать обвинение неназванных противников и сказать в свою защиту, что святости богослужения не причиняется никакого вреда, какой бы жалкой ни считали его музыку, ибо её цель не в том, чтобы нравиться людям. Зачем ей, удостоенной быть служанкой¹ в доме Господнем, искать расположения вкуса смертных, если Всевышний взирает на её *ничтожность*, и именно она побуждает Его склонить к ней *Свой слух*; тогда как то, что восхищает людей, есть мерзость пред Господом?

Заботится ли Господь о *быках-производителях* и *тельцах* наших уст? – Тот, кто благоволит к голосу воронов, когда они взывают к Нему, и может призвать уста младенцев быть вестниками Своей славы, предпочтёт серьёзность подавленного вздоха – сдержанной слезы – тончайшей справедливости благозвучия и почечному жиру церковных хоров. Среди этих размышлений один из самых нежных взглядов, моя К..., косится на Вашу грудь, в которой я вижу отражение целых небес подобных влечений. Разве Вы сами не столь причудливы, что предпочитаете переписку с человеком, который *говорит нелепости*, плодоносному обществу весёлых щёголей и возмужалых и опытных в делах молодых господ, которые нелепы в своих попытках познания, хотя их мудрость катится как разменная монета в трактирах, а их остроумие – ясно слышимое как цимбалы, основательное как мельничное колесо – ласкает нервные оболочки мозга?

Однако всё же ради нас сказано также, что надо петь *новую песнь*², сочетать *приятные псалмы* с *благозвучными кимвалами*, как *хорошо следует играть на струнах с полнозвучием*, *прекрасно славить* Господа, чтобы всё наше сердце пробудилось к Его хвале и тело с духом возрадовались *Богу, нашему Спасителю*.

Но надёжнее всего, *дражайшая подруга*, посредством формального отрицания уничтожить всяческое обвинение в том, будто бы мне присуще неблагоприятное суждение о музыке чужой церкви. Вы знаете, как я избегаю труда и опасности что-либо исследовать и как охотно принимаю первое попавшееся мнение, которое мне приписывают другие. Я, следовательно, не сделал ничего иного, кроме того, что лишь доверчиво перепел то, что достаточно часто слышал от тех, кто не принадлежит к этой общине и потому не привык к её пению, и позаимствовал их столь распространённое мнение. Но *медленный*

¹ «Сердце не ранит тебе ни одна пусть служанка» (Гораций, *Оды*, кн. II, ода IV «К Ксанфию Фокею»). См. также *Рижский песенник*: «Мне столь мила служанка та...» (Д. М. Лютер).

² *Пс.* 9:4; 33:1-3; 81:2-3.

*темн*¹ их мелодий – единственный предлог, который мне когда-либо называли для общего недовольства ими.

После того как этим объяснением я устранил всякую двусмысленность моей игры слов, я хочу ещё более ярко высветить мою невинность, признавшись, что мои собственные ощущения могли бы быть менее удовлетворены изяществом напевов, чем нравственной красотой того темпа, который им ставят в упрёк. *Отречение от своего наследственного характера* кажется мне существенной частью общественного служения. Поэтому некоторые лица не одобряют использование слишком мирских мелодий (как говорится в обыденной жизни) для тех собраний, где следует щадить легкомыслие юности и кровь особ женского пола, обременённых грехами и движимых различными страстями, коих крайняя плоть остроумия именуется *богомолками* в столь же неверном смысле, в каком трусливое перо наших соглядатаев² возвеличивает всякого болвана, который усматривает в *животном наитии* первородство и жреческий глас³ естественной *религии*, до исполинского роста *вольнодумцев* или до уровня сынов Енаковых⁴.

Наконец, кто мог бы вообразить, что намёк на церковную музыку оскверняется сопоставлением с итальянскими кастратами и что всё, стоящее рядом, следует считать парой или упряжкой под одним ярмом? Оскверняется ли священное здание соседством трактира или оперного театра? Не является ли, напротив, голова мавра наилучшим фоном для портрета блондинки? И где найдутся более сильные *антитезы*, чем в двух близнецах? По этой причине подражание этому в моих копиях никому осуждать не следует; пусть того судят его потомки, у кого хватит смелости стать автором.

Осветите, *единственная подруга*, своей улыбкой с благосклонностью к моей апологии облака забот, которые от края до края закрыли мой горизонт. Если имеет под собой историческую основу басня, называющая *поэта* счастливым потому, что его сон пробудил страсть в некой богине, хотя его именовали

¹ Карл Великий, как рассказывают, упразднил немецкие мелодии, потому что они звучали не так медленно, как римские, и состояли из нескольких тонов.

² Гаман имеет в виду берлинских критиков-журналистов (Ф. Николаи, М. Мендельсона и др.), которые, как соглядатаи, выискивают «неправильные» мысли в книгах (прим. пер.).

³ Здесь, по-видимому, среди прочего имеется в виду старая легенда, согласно которой один монарх хотел открыть *первый, древнейший* и потому *естественнейший* язык. Возглас «*beccos*», который издавали те человеческие существа, означал на фригийском языке «хлеб»; потому ему и приписали достоинство первородства. – Поэт-жалобщик сочетает тут столько *исторических черт*, сколько нидерландский герб держит *стрел* в своей *лапе* или *орёл* Юпитера – молний в своих когтях. *Мы потому весьма опасаемся, что некоторые* читатели и знатоки искусства будут *жаловаться* на его изречения *теми же словами*, какими, как рассказывают, *Рафаэле Фульгозио*, доктор в Падуе XV века, *жаловался* на современника Ульпиана; слова эти приводит Г. К. Хамбергер во второй части своих *«Достоверных известий о важнейших писателях»*, с. 538, следующим образом: «Этот проклятый Павел всегда говорит так туманно, что его едва можно понять; и если бы он попался мне в руки, я бы допросил его, таская за волосы». *Издатель*.

⁴ Согласно *Книге Чисел* (13:34), израильские лазутчики, посланные Моисеем осмотреть Ханаан, вернулись в страхе и заявили, что видели там «сынов Енаковых, из исполинского рода», по сравнению с которыми они сами чувствовали себя саранчой. Эта метафора позволяет Гаману намекать на то, что берлинские критики из-за своей ложной оптики раздувают мелкие деистические идеи любого банального просветительского «остолопа» и превращают обычных поверхностных публицистов в великих «титанов мысли» (сынов Енаковых), перед которыми рабски трепещут (прим. пер.).

*бледногубым*¹, – то и эта скорбная песнь может стать первой и последней, что удостоится чести появиться на Вашем ночном столике в виде послания.
Я остаюсь Вашим вернейшим слугой,

Филолог

Послесловие

для читателей, кои обладают разумом и с коими, следовательно, надобно
говорить разумно

В своём кодициле Янг² вопрошает знаменитого мастера сивилинных загадок, *творца идолов* Ричардсона³: как подражать древним так, чтобы мы тем больше отдалялись от сходства с ними, чем более становимся похожими на них? Автор настоящей скорбной песни избрал в качестве образцов *Послание к Урании*⁴ и *Письмо материалиста к Дорис*⁵ для такого обратного подражания. Если академический учёный плетёт выводы, а придворный остряк сшивает остроты, то стиль любителя основан на *страсти* и *оборотах*. Из всех его фигур речи он, насколько мне известно, наиболее удачно пользуется той, которая в конфиденциальных письмах некоего оригинального автора называется метасхематизмом⁶.

Довольно об устройстве этого странного послания; о том, что побудило меня сделать его общедоступным, вопреки его природе, издатель может сообщить частным образом умеющим хранить тайну любопытствующим.

При самом точном расчёте найдётся столько же признаков считать этого подкидыша подлинным посланием, сколько и оснований объявить его дитятей девственницы (мыслительным предметом). Издатель пользуется этим случаем, чтобы публично опровергнуть слух, будто *высокоучёный француз немецкого происхождения* является *величайшим* невеждой в искусстве измерения во всём королевстве – даже если бы кто и захотел оказать ему незаслуженную честь распространением этого ложного слуха. Поскольку он ежедневно готов к отъезду, он оставляет за собой право по счастливом возвращении объяснить ремесленнику⁷, наиболее преуспевшему в *освоении итальянских букв*, в его ремесленном стиле и на простонародном немецком, что эмпирический навык и упражнение отличаются от выводов математической учёности как небо и земля.

¹ По-видимому, речь идёт об античной мифе об Эндимионе, чья вечная сонная красота возбудила любовь лунной богини Селены. Выражение о «человеке с бледным ртом» («Mann mit blassem Munde») – вероятно, ироническая характеристика поэта или мечтателя, истощённого ночными бдениями, меланхолией или «лунной» чувствительностью. В литературе XVIII века образ Эндимиона часто использовался как символ поэта-мечтателя, пассивной красоты и эротизированного сна (прим. пер.).

² Янг (Юнг), Эдвард (1683-1765) – английский поэт-сентименталист, основоположник «кладбищенской поэзии» (прим. пер.).

³ Ричардсон, Сэмюэл (1649-1761) – английский писатель, типограф и издатель, родоначальник европейского сентиментализма, автор известных эпистолярных (прим. пер.).

⁴ Поэма Вольтера (1722) (прим. пер.).

⁵ Произведение лютеранского теолога Иоганна Генриха Остена (1717-1779) (прим. пер.).

⁶ *1 Кор. 4:6* («Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим»).

⁷ Это собирательный сатирический образ оппонентов Гамана – берлинских просветителей, рационалистов (в частности, круга Ф. Николаи) и критиков, исповедовавших французский рациональный стиль («итальянскую / романскую практику»). Гаман презрительно называет их ремесленниками от литературы («мелкими мастерами») (прим. пер.).

**Французский проект полезной, испытанной и новой прививки.
Переведено по омоложенному масштабу.
Торн!¹**

В год, когда Венера прошла перед Солнцем.

«Если б даже течение Ганга
Вас берегло, – с любой рекой управится Цезарь,
Раз перейдя Рубикон!»
(Марк Анней Лукан)²

Мне уже под сорок, однако ничто не досаждаст мне более, чем то, что Франция – моё отечество³. В нашем языке царит сплошная двусмысленность, в нашем искусстве мыслить – рассеянность, в нашем стиле письма – остроумничанье, а в наших поступках – дерзкая глупость. Остроумная мысль у нас едва достаивает разум взгляда через плечо, и гению приходится забиваться в угол, прячась от модной мишуры. Ни оспа, ни тайные болезни никогда не причиняли столько зла, сколько наша любовь к пустякам. Она уже распространилась даже на капуцинов, которые носят шёлковые одежды, а кармелиты уже не выходят на солнце без зонтика.

Видя наши излишества, вздыхают священники; однако религию обвиняют в том, что в силу своего преклонного возраста она впадает в детство. Понапрасну пытаются некоторые новofранцузские аббаты обратить нас; они говорят (увы!) о практикующем христианстве так, как соержанка – о своих любовных делах с кабинетными минами и на котурнах трагика.

Этот факультет уже не знает, что такое ортодоксия или контрабанда; тем надёжнее высказывается парламент. Духовенство поддерживает то папу, то короля. Когда монарх угрожает – находят прибежище в системе по ту сторону Альп. Когда бушует наместник Христа – тогда да здравствуют вольности галликанской церкви!

Ещё немного – и начнут устраивать летние квартиры, чтобы пить лимонад и прохладительные напитки; будут брать ночной столик в траншеи; наконец, станут даже стрелять ароматизированным порохом и свинцом. Как мало мы знаем, что пот – единственная косметика героев. Ганноверский полководец во всём мире именуется герцогом Брауншвейгским; у нас же (как будто Париж – столица Швабии) его называют *месье Фердинанд*.

¹ Торн (ныне Торунь в Польше) указан как фиктивное место издания книги (на самом деле сборник печатался в Кёнигсберге). Выбор этого города глубоко символичен: это родной город Николая Коперника (Гаман намекает на «коперниканский переворот», который он собирается совершить в эстетике и философии, разрушив господство сухого разума). Кроме того, указывая Торн (город в Речи Посполитой), Гаман выносит место публикации за пределы жесткой берлинской цензуры Фридриха II, над франкоманией которого он издевается в тексте (прим. пер.).

² *Фарсалия, или Поэма о гражданской войне* (Кн. II, стихи 497–499). Перевод Л. Е. Остроумова (прим. пер.).

³ Гаман использует здесь литературную мистификацию, создавая сатиру на франкоманию и философию Просвещения. Текст пародирует жанр критических французских мемуаров и трактатов того времени. Этот «проект» якобы написан коренным французом, которому «скоро сорок» и который разочаровался в своей родине. На самом деле Гаману на момент публикации (1762 год) было всего 32 года, и родился он в Кёнигсберге (прим. пер.).

Прошедшее столетие было царством гения; следующее, может быть, расцветёт под скипетром здравого разума. В каком жалком виде предстанут рыцари нынешнего века? Примерно, как обезьяна или попугай между туром и львом.

Век, в котором вытачивают слова, устраивают малые и большие опыты, чтобы почувствовать мысли и осязать чувства руками, где строят медные гравюры, пишат резьбой по дереву, дерутся по нотам, – называется философским. Желают ли таким образом выставить на позор наше время или философию? Одурачить себя самих или своих ближних? Кто в состоянии разрешить для меня этот вопрос?

Мы боимся подозрения в религиозном инакомыслии больше, чем горячки. Но есть ли в Италии, Германии, России столько религиозных инакомыслящих, оканчивающихся на «-исты», как у нас? Янсенисты! Молинисты! Конвульсионисты! Секуристы! Пишонисты! Энциклопедисты!

Рассудок, который признаёт себя сыном чувств и материи – вот наша религия; философия, открывающая человеку его призвание ходить на четвереньках, питает наше великодушие; страсть к авторству, которая из руки палача вырывает лавровую ветвь славы, заменяет помазание нашим прекрасным умам; а торжество языческих богохульств есть вершина нашего гения. Молодые писатели должны бы, по крайней мере, учиться у последующего поколения; но, к их несчастью, оно как надменная клеветница, которая порицает только за спиной порицаемого. – И театр посещают уже не ради сна или назидания, а чтобы слушать злые намёки и приносить жертвы злословию.

Учёность – жалкое ремесло, где нужно либо торговать, как иудей, либо обладать омерзительной болтливостью базарной торговли. Игра, служащая покровом нашей жадности, нашего нищенского тщеславия или нашей скуки, раскалывает сердца наших дам с их склонностью к знатокам и к нарядам. Она иссушила источник общения и породила множество авантюристов, которые, как грибы осенью, вылезают повсюду и своим высокомерием и обманом компрометируют всю нацию, так что иные страны нам рады так же, как недавно Саксония была рада пруссакам¹.

Наши прекрасные умы, отказывая папе в непогрешимости, уверяют нас, что с религией всё неблагополучно, чтобы тем легче вселить в нас доверие к их доказательствам, и водружают свою собственную непогрешимость как знамя; ибо иначе какое право имели бы они поработать наш разум?

Поскольку наша глотка настроена на тысячу песенок, мы всегда хотим задавать тон; однако бывают времена, когда люди либо не имеют слуха, либо не

¹ Гаман едко иронизирует: в августе 1756 г. прусский король Фридрих II Великий без объявления войны вторгся в Саксонию и оккупировал её. Саксонскую армию принудили сдать, а саму страну пруссаки нещадно эксплуатировали: облагали колоссальной контрибуцией, насильно забирали саксонцев в прусскую армию и грабили местное население. Гаман намекает здесь на то, что французские просветители, философы и законодатели моды ведут себя в Европе (и особенно в Германии) как бесцеремонные захватчики, которые навязывают свои правила и уничтожают самобытную местную культуру (прим. пер.).

хотят слушать. Тогда благоразумие требовало бы помолчать; но, что хуже всего, молчать мы не можем. –

Я столь пространно разобрал недуги моей нации лишь потому, что должен поздравить себя с открытием сильного противоядия. Наши высокопарные карлики могут назвать это сочинение пасквилем или галиматьёй. Я могу подтвердить каждый пункт бесчисленными печатными свидетельствами, и на моей стороне мнения наших проповедников и ораторов, которые в один голос громогласно объявляют нас народом пустым, легкомысленным, смехотворным и изнеженным. Как бы неуклюже я ни выражался, всё это пишется ради наставления и исправления. Апология не убедит глупцов и излишня для истинных философов. Но пора перейти к нашему универсальному лекарству.

Источник нашего зла заложен не в крови наших предков, а исключительно в мозге, которому недостаёт той способности, что называют *здравым рассудком*. Я раскрыл секрет, как воспроизвести это вещество и затем привить его¹.

Мой универсальный раствор здравого смысла есть искуснейшее соединение, для которого требуется глубокое знание химического анализа. О его ценности можно судить уже по тому, что материалы для него я должен был собирать среди самых благородных народов. Часть их мне принесли мои дальние путешествия, остальное я могу считать своей добычей в нынешней войне², в ходе которой я некоторое время служил у всех воюющих держав в качестве помощника полевого хирурга³.

Поля столь многих великих сражений, свидетелем которых я был, были единственным рынком для приобретения ингредиентов моего раствора. Солдат обычно довольствуется тем, что окутывает своё тело, подобно крестьянину – собирая продукты с поверхности земли; я же подражал рудокопу, который ищет сокровища в недрах⁴.

Мой универсальный раствор здравого смысла состоит, следовательно, из чудодейственного *териака ишиковидной железы*⁵, который закрепляет

¹ Уже предпринимались успешные попытки не только прививать людей от *оспы*, но также и крупный рогатый скот от падежа. Некоторые *достопочтенные* отцы из общества И... (иезуитов), которые благодаря своим похвальным учебным заведениям в Германии пользуются большим уважением и получают там обильное вознаграждение, пребывают под подозрением у наших соседей, будто бы они практикуют *тайные прививки английской болезни* методом инокуляции среди своих слушателей. (Прим. пер.: В Европе считалось, что англичане массово страдают от беспричинной хандры, депрессии и склонности к самоубийству из-за своего климата и слишком свободного, критического образа мыслей. Англия была родиной деизма (религиозно-философского течения, признающего Бога творцом, но отрицающего Его вмешательство в дела мира, чудеса и таинства). Для ортодоксального христианства, которое защищал Гаман, этот рациональный подход к вере был настоящей «духовной болезнью»)

² Семилетняя война (1756-1763), которая шла в момент написания и публикации книги. Франция и Пруссия в этой войне были непримиримыми врагами (прим. пер.).

³ Поскольку хирург на поле боя имеет дело с телами солдат, он буквально «вскрывает» реальность. Смысл метафоры: вся хваленая французская рациональная философия построена на анатомировании, разрушении и цинизме, а «здравый смысл» (*bon sens*), которым так гордятся просветители, на самом деле замешан на крови, хаосе и трагедии войны, а не на чистом божественном разуме (прим. пер.).

⁴ В то время как обычный солдат довольствуется лишь тем, что на поверхности (одеждой, мародёрством), этот персонаж, подобно рудокопу, копался «во внутренностях» и извлекал тайные сокровища человеческой природы (прим. пер.).

⁵ В древности и Средневековье териак (*Theriak*) называли главное универсальное противоядие. Это было сложное вещество, состоявшее порой из десятков компонентов (включая змеиный яд, опиум и редкие травы).

французскую ртуть в тончайших клетках мозга, оставляет лишь несколько крупиц нашей легкомысленной подвижности и вместо неё прививает значительную долю британской *флегмы*, приправленной итальянской *хитростью*, испанской *тяжеловесностью*, немецкой *стремительностью* и т. д.

Поскольку наши носы наполнены благоухающими веществами, уши – уличными песенками, а рот притуплён крепкими напитками и рагу, неизбежно следует при помощи хирургического сверла сделать небольшое отверстие в той части лба, где у некоторых домашних животных вырезают червя¹. В это отверстие следует вдуть через золотой катетер или трубку каплю нашего раствора размером с чечевицу.

Если остроумный человек захочет выяснить, выздоровел ли он, ему достаточно после применения моего универсального раствора здравого смысла взглянуть на книги, которыми он более всего восхищался прежде: к своему великому удивлению, он найдёт в них одни жалкие софизмы. Эта прививка здравого смысла уже испробована на одном петиметре, который считал «рассуждение» Гельвеция² *Об уме* человека шедевром, и на одном учёном педанте, предпочитавшем систему своего покровителя каноническому праву; теперь их просветлённые глаза видят в своих прежних домашних идолах лишь ложь и глупость.

Льщу себя надеждой, что для всех помещиков в польской Пруссии, Натангии и Земланде, Земгалии и Курляндии, Лифляндии и Эстляндии³, которые могут себе позволить французского камердинера или повара и вместе с тем готовы проводить эксперименты⁴, будет большой услугой сообщение об этой чрезвычайно полезной, испытанной и совершенно новой прививке.

Кто сочтёт это важным, может получить сколько-угодно сведений от некоего простака, который разослал по всему свету несколько листков в рамке и

Считалось, что оно лечит от любых отравлений и болезней. Гаман использует его как метафору «универсальной философской системы». Это прямая и очень злая насмешка над Декартом, который разделил мир на материальное (тело) и духовное (разум). Пытаясь объяснить, как они между собой общаются, Декарт заявил, что именно в шишковидной железе (эпифизе) мозга обитает человеческая душа, и через этот орган она управляет телом. Для Просвещения шишковидная железа стала символом «центра управления разумом». Гаман же буквально доводит картезианство до абсурда: его вымышленный хирург, препарируя трупы солдат на полях войны, вскрывал их черепные коробки и вырезал шишковидные железы, из которых и сварил противоядие. Таким образом, Гаман показывает, что французская философия Просвещения буквально «питается трупами» и пытается превратить священную тайну человеческой души в аптечный рецепт (прим. пер.).

¹ Гаман ссылается на старинное народное суеверие, бытовавшее среди крестьян и ветеринаров того времени. Считалось, что бешенство или излишняя агрессивность у собак и других домашних животных вызваны особым «бешеным червем» (*Tollwurm*), который, якобы, заводится под языком или в лобной части головы. Чтобы вылечить животное, ему делали надрез и «вырезали червя» (прим. пер.).

² Французский философ-материалист Клод Адриан Гельвеций (1715-1771) утверждал в своём скандальном трактате *«De l'esprit»* («Об уме», 1758 г.), что все способности человека сводятся к физическим ощущениям и эгоистическому интересу (прим. пер.).

³ Перечисленные регионы – это северо-восточная граница Пруссии, Польши и Прибалтийские губернии Российской империи. Натангия и Земланд – это родные для Гамана провинции Восточной Пруссии вокруг Кёнигсберга. Для Парижа или Берлина эти земли считались глухой провинцией, и Гаман иронизирует над тем, что мода на Просвещение добралась даже до далёких усадеб.

⁴ В XVIII веке среди знати было модно заводить домашние лаборатории, крутить электрические машины или ставить опыты над крестьянами, ничего не смысля в настоящей науке (прим. пер.).

которые можно приобрести ныне у всех крупных книготорговцев Европы (с наценкой для компенсации наших затрат) под рубрикой:

Inoculation du bon sens

в Лондоне, 1761 г.

Пять листов в малом октаво.

Химерические выдумки Абеяра Вирбия¹

касательно десятой части «Писем о новейшей литературе»²

«Гражданин! Давайте пощупаем ваш пульс – —»³

Третье издание,

дополненное посвящением из Катулла «Гамбургским ведомостям из царства учёности» за выпущенное ими в свет с великодушным самоотречением второе издание этих химерических выдумок.

«Ты рукой, Марруцин Азиний, левой / ... нечисто шутишь... / ...Нет, дурень, Ничего нет глупей и некрасивей. / ... Спроси хоть Поллиона, / Брата, ... / Чтoб проделки покрыть твои, мальчишка / Знает толк в развлечениях и острогах. / ... Получай иль верни платок сетабский. / Нет, не сам по себе платок мне дорог – / Мнемосины он дар и дружбы доброй. / Он Веранием и Фабуллом прислан / Из Иберии дальней мне на память. / Я подарок друзей любить обязан, / Как Веранчика милого с Фабуллом» (Катулл)⁴.

¹ Это вымышленное имя – зашифрованный автопортрет Гамана, состоящий из двух многозначительных аллюзий: Пьер Абеяра (1079-1142) – средневековый философ-схоласт и богослов, известный своей трагической любовью к Элоизе, конфликтами с церковными авторитетами из-за его рационального метода, а также последующим наказанием кастрацией. Вирбий – мифологический персонаж (Ипполит), который был привязан к лошадям и разорван на части, но воскрешён богом Эскулапом и скрывался под новым именем. Гаман иронично намекает на свой духовный кризис и неудачи в личной жизни в Лондоне, а также на то, что он чувствует себя «кастрированным» и растерзанным критиками, но «воскресшим» для новой духовной и литературной битвы (прим. пер.).

² *Briefe, die neueste Litteratur betreffend* (1759-1766) – главный, влиятельный критический журнал немецкого Просвещения, который издавали в Берлине злейшие интеллектуальные враги Гамана: Ф. Николаи, М. Мендельсон и Г. Э. Лессинг. В 10-й части этого журнала они подвергли жёсткой критике ранние труды самого Гамана (в частности, его *Сократические достопамятности*) (прим. пер.).

³ Фраза намеренно написана на французском языке. Гаман в очередной раз пародирует франкоманию прусской элиты и берлинских просветителей: Гаман высмеивает их космополитический пафос, высокомерие и то, что они позиционировали себя как судьи общественной морали и литературы. Здесь Гаман вновь прибегает к излюбленной медицинской сатире: персонаж Абеяра Вирбий собирается проверить, насколько лихорадочно бьётся «пульс» берлинского просветительства (прим. пер.).

⁴ Гай Валерий Катулл, *Книга стихотворений*, стих. 12. Пер. С.В. Шервинского (прим. пер.).

Абеляр Вирбий
автору пяти писем
касательно «Новой Элоизы»¹

В Париже, по-видимому, каждый при появлении «Новой Элоизы» счёл её хорошим романом; но в Берлине – уж наверняка нет. Однако я, быть может, преувеличиваю ту лесть, которой полагается начинать письмо, если бы я хотел приписать Вашему суждению, сударь, столь всеобщее влияние.

Вы, несомненно, оказали услугу многим читателям, осмелившись сделать исключение из своего основного правила (*не обращать внимания на иностранцев*). Руссо! Дидро! Бюффон²! заслуживают восторженной похвалы патриотического философа, а в Германии считается честью уметь столь же основательно игнорировать этот *триумвират* французских писателей, сколь сильно, быть может, мы желали бы сами приобщиться к нему.

Что касается гражданина Женева, то для него, без сомнения, счастье, что он сумел отстоять звание *философа* за границей с малыми издержками, несмотря на наши строгие и возвышенные представления об этом титуле, ибо до сих пор он прославился лишь прихотью своего остроумия и контрастом дерзких мнений. То, что во Франции он может за это считаться философом, меня не удивляет; но чем же позволили наши остепенённые и самовластные философы ослепить себя, признав своим собратом такого писателя, как Руссо, – в этом для меня всё ещё загвоздка. Моё намерение потому было лишь бегло прочесть о его «мудреце в кринолине».

Невзирая на то, что при чтении первой части мне уже хотелось раскаяться в том, что я взялся за столь толстую книгу; невзирая на то, что чтение последних страниц я поспешил закончить с восклицанием: «О, уж довольно!»³ – всё же её диалоги помогли мне отчасти собрать воедино, отчасти развить впечатления, оставшиеся у меня от всего произведения, и, наконец, я оказался склонен в тоне вдохновенного вкуса объявить *хорошим* всё то, что делает какого-нибудь *Соломона* человеком с причудами, какого-нибудь *Янга* – прагматичным историком рода кентавров, какого-нибудь *Руссо* – романистом, а нас обоих, сударь, – критически настроенными *авторами писем*, или более того, критически настроенными авторами писем *любительского пошиба*, как об этом свидетельствуют наши *дарования* или даже одно лишь воображение о них.

Чувства тоже относятся к тем дарам, которыми мы не должны превозноситься. Если бы всё то, что не возбуждает наших чувств и, *по Вашему суждению*, не трогает сердце, теряло всякое притязание на это и называлось

¹ В 10-й части упоминаемого журнала М. Мендельсон опубликовал цикл из пяти критических писем, посвященных новейшему роману Ж.-Ж. Руссо *Юлия, или Новая Элоиза* (1761). Как истинный просветитель он подошел к роману с позиции сухого разума: критиковал его форму, излишнюю эмоциональность и логические нестыковки. Гаман, страстный поклонник Руссо, пришел в ярость от того, как берлинские рационалисты препарируют живое, глубокое произведение искусства (прим. пер.).

² Бюффон Жорж-Луи Леклерк (1707-1788) – французский естествоиспытатель, математик, писатель, автор 44-томной *Общей и частной естественной истории (Histoire naturelle générale et particulière)* (1749-1804) (прим. пер.).

³ Гораций, *Сатиры*, кн. I, сатира 5.

нелепым, то ещё немного, и праведнее Вас окажутся те самые великие злодеи из числа авторов, которые в десяти частях Вашего журнала подверглись пытке ради того, чтобы подвести их к познанию и ощущению своей неспособности творить. Таким образом, ради собственной безопасности избегайте слишком общих заключений на основе Ваших чувств о ценности какой-либо книги, если только Вы не стремитесь к тому, чтобы довести ледяные сердца некоторых читателей своими назиданиями до полной остановки, демонстрируя им дурной пример этих писателей.

Я недостаточно учён, сударь, чтобы определить сущностный смысл романа; недостаточно креативен, чтобы придумать таковой; недостаточно красноречив, чтобы сделать химеру ума правдоподобной. Мои усилия не стоит тратить на то, чтобы подробнее исследовать индивидуальность лучших героев романов; потому я охотно предоставляю мёртвым критикам возможность украшать этих их *персон не от мира сего* самым пышным погребальным убранством и сопровождать их в святилище разложения. Даже если бы Вы не судили *Новую Элоизу* с теми *честностью, изяществом и умом*, которые Вам присущи, – не моё дело оспаривать чей-либо вкус. Позвольте, однако, соположить с Вашими убедительными доводами некоторые замечания, сомнения, вопросы, предположения и мысли. Мне импонирует идея подвергнуть их публичному суждению незнакомца с Вашей проницательностью, так же как Вам приличествует обсуждать с друзьями, что может споспешествовать всеобщему благу.

Не должно ли существовать, по крайней мере, характерное различие между *романическим* и *драматическим*? Не должно ли это различие проявляться уже в *фабуле* и в *главных действующих лицах*? Невежество ли это или искусство – совершенно упускать это различие из виду и отменять его? Авторам и читателям можно многое простить; но не является ли немалым позором для критиков оставлять такое злоупотребление безнаказанным? Быть может, Руссо глубже постиг (истинную)¹ природу романического и удачнее ей подражал, так что его мастерство в этом могло показаться непростительным преступлением в глазах тех виртуозов, чья совесть осыпает их мрачными² упрёками относительно их собственных образчиков. Почему, наконец, нравоучение, устроенное в наибольшей степени по образцу *театральной сцены* и находящее высшее одобрение у фарисеев добродетели, здесь неуместно; но никто не может запретить называть его прагматическим, поскольку господство первого человека над животным царством и философа над взаимосвязью вещей проявляется в именах и в произволе их чеканить.

¹ «То, что определяется в соответствии с *католическими принципами*, есть метафизически *истинное*. – *Наименьшая истина* есть наименьший порядок многого в одном; – *наибольшая же* – там, где наибольшее множество вещей обнаруживается в наибольшей степени согласующимся с самыми сильными правилами» (А. Г. Баумгартен, *Метафизика*, §§ 92, 184).

² «Если тебе на глаза попадутся случайные деньги, / Или соседа смазливая дочь подмигнёт, не начнёт ли / Сердце привычно шалить?» (Авл Персий Флакк, *Сатиры*, сат. III) (перевод Г. Стариковского – прим. пер.).

Я вопрошаю далее: лучше ли обстоит дело с эстетической *правдоподобностью*¹, чем с поэтической справедливостью, в которую также истово верили некоторое время? Поскольку правдоподобием в обращении с историей злоупотребляли нещадно, так что наши потомки, возможно, найдут больше причин быть недовольными «благородным гением» самого просвещённого века после рождения Христова, чем его «округлым слогом», – смиренный наблюдатель природы и общества принимает близко к сердцу высказывание одного древнего, который не хочет отвергать легенду за её неправдоподобность, но с глубокомысленной связностью и бесстрашием говорит: «Невероятно, но истинно». Можно, следовательно, признать, что для плодотворности истории требуется некоторая доля *неправдоподобности*, а для красоты поэзии нужна эстетическая *правдоподобность*. Но следует не кичиться буквой этого принципа, а показать, что обладаешь его смыслом и силой применения либо искрой того, что возносят в обычных выражениях к небесам.

Вы хотели бы знать, сударь, что делает или говорит *молодой человек* во всей этой истории, чтобы заслужить титул философа? И я столь же охотно хотел бы убедиться на основе сочинений Абеяра, похвалой ли или сатирой была надпись, которую, как говорят, разместили на его могильном камне: «Сократ галлов, величайший Платон западных земель, наш Аристотель, равный или превосходящий всех логиков, известный миру как первенствующий в учёности, разнообразный по дарованию, тонкий и острый, побеждающий всё силой разума и искусством речи – таковым был Абеяра. Но ныне – —».

Бейль называет *тщеславие* стихией человека², и сам он не постыдился изображать себя глупцом, который в своих лекциях мечтательно рассуждал лишь о любовных песенках, которые, правда, стали модными в его провинции, но в которых мы не вправе предполагать присутствие того тонкого духа, поднимающего и облагораживающего *легкомысленные разглагольствования* какого-нибудь Лессинга³, Гляйма⁴ или Герстенберга⁵.

¹ Размышления LVIII, LIX Фонтенеля о поэтике.

² Гаман здесь не высказывает своё мнение, а имитирует и пародирует логику М. Мендельсона. Он использует авторитетное для просветителей имя французского мыслителя Пьера Бейля (1647-1706), автора известного «Исторического и критического словаря», и его определение «тщеславия» как главной стихии человеческой глупости. Берлинские рационалисты (Мендельсон и Николаи) клеймили именно Руссо, так как для них Руссо, отказавшийся от благ цивилизации и критиковавший науки, был эксцентричным безумцем, движимым исключительно гордыней, эгоизмом и тщеславием (прим. пер.).

³ Лессинг, Готхольд Эфраим (1729-1781) – немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель, основоположник немецкой классической литературы. Гаман признавал острый ум Лессинга, но считал его подход к искусству слишком рациональным, холодным и математическим. По его мнению, Лессинг пытался подчинить поэзию жестким правилам и законам логики, убивая в ней божественную тайну и пророческий дух (прим. пер.).

⁴ Гляйм, Иоганн Вильгельм Людвиг (1719-1803) – немецкий поэт эпохи Просвещения. Для Гамана его поэзия была воплощением пустословия, легкомыслия и салонной фальши. Гаман презирал эту «игру в античность» и считал, что немецкая литература должна говорить о глубоких экзистенциальных драмах и вере, а не тратить талант на искусственные салонные банальности (прим. пер.).

⁵ Герстенберг, Генрих Вильгельм фон (1737-1823) – немецкий писатель, один из предшественников поэзии «Бури и натиска». Гаман видел в его ранних теоретических статьях и стихах попытку подражать чужим образцам и конструировать литературу умом, а не сердцем (прим. пер.).

Можно было бы поэтому почти подумать, что вопреки Вашему собственному суждению спекулятивный характер философа должен был бы настроить Вас благосклоннее по отношению к роману *Новая Элоиза*. Действительно, трудно составить разумное представление о молодом учёном, который, по-видимому, является наполовину савояром, если он привык вращаться среди одних лишь звёзд первой величины, которые правят в высших школах и академиях наук как великие светила днём, а как малые – ночью. Между тем, упомянутый Сен-Прё, живущий у подножия Альп, с не меньшим правом может быть назван философом, чем некогда мальчик Рене Декарт был назван так своим отцом¹; однако я знаю философов, которые терпят в своём обществе из одной лишь христианской любви даже старого Рене Декарта, несмотря на его заслуги перед современным способом философствования.

*Влюблённый философ*² неизбежно должен казаться нам глупым существом, пока очередь не дойдёт до нас самих узнать на своём опыте, как нам уже давно предсказывала Муза, что *любовь*, как и *смерть*, уравнивает философов с идиотами и, как *Страшный суд*, не делает различия между людьми. Если же однажды пара чёрных глаз³ окажется достаточно чудотворной, чтобы превратить Ваше холодное сердце, сударь, в цветущую весну – или я лишь затем ревную к своей свободе, чтобы этим усилить злорадство белокурой Элоизы – кто тогда поручится нам обоим за нашу философию? Возможно, она не будет способна ни на что иное, кроме как придать нашей страсти более методическую, вычурную и аффектную форму. Но кто бы не решился вести себя бурно и безудержно, если повелительница считает такой язык трогательным? И почему должно быть стыдно с помощью восклицаний и гипербол добиваться счастья, которое нельзя ни постичь, ни испытать при помощи объяснений или умозаключений? Разве не требуется для *нравственных проповедей* и *изоцрённостей влюблённых* столь же плодотворное и неисчерпаемое воображение, как и для самих ситуаций? И, наконец, прилично ли, что Вы с таким холодным отвращением смотрите на цветы⁴ сладострастного красноречия из-за их мимолётности и хотите вынудить простых влюблённых в альпийской долине переводить свои чувства во фридрихсдоры или фунты стерлингов?

Дар повествования весьма разнообразен. Ливий, Саллюстий и Тацит могут каждый претендовать на него, и им не ставится в упрёк, что они столь же различны по стилю, сколь и далеки от Курция Руфа, Флора и *вздёрнутых от любопытства бровей*⁵ монашеской учёности новейших времён. Для драматического рассказа более необходим талант диалогиста. Хоть и верно то, что учёного судью в делах искусства легче удовлетворить, чем утончённого

¹ Гаман полагает, что называть персонаж романа Руссо философом – такая же оправданная условность, как и то, что отец Рене Декарта, видя, что его маленький сын задаёт бесконечные вопросы и пытается докопаться до сути вещей, в шутку прозвал его «мой маленький философ» (*mon petit philosophe*), хотя тот ещё ничего не смыслил в метафизике (прим. пер.).

² «Влюблённый – вещь священная, и истинный мудрец всегда его почитает» (Фонтенель, в пасторали *Эраст*).

³ «Брюнетки – это подводный камень вашего рода» (Фонтенель, *Сочинения*, том IV).

⁴ «В цветах природа величайшая» (Плиний).

⁵ См. Фр. Гризелини, *Достопримечательности фра Паоло Сарпи*, переведено с итальянского. Ульм, 1761, с. 140 (101).

софиста: между тем, беседа Руссо всегда остаётся шедевром – не в той манере диалога, которой восхищаются в *царстве мёртвых за пуншем* и с помощью которой в галантной Аркадии строят астрономические доказательства и метафизические положения; а в мужественной манере, предполагающей философскую диету в чтении и письме¹, *аттический мёд* в отделах чрева и *бойцовское масло Лукиана* на обнажённой коже² –

«Любовь даже нагая – всё так же во всеоружии»³.

Кто же тот эстетический Моисей, который осмелится предписывать гражданам свободного государства слабые и скудные заповеди? (Которые гласят: «Ты не должен этого касаться, ты не должен *этого* вкушать, ты не должен *это* трогать. В *природе* многое является нечистым и низким для подражателя – не стремись же ко всему, что только возможно!»)? Если нам хотят помешать как *быть* оригиналами, так и *превращаться* в копии – то не хотят ли эти персоны ничего иного, кроме как превратить нас в «мулов»?

Каково было у вас на душе, милостивый государь, когда вы приглашали почтенного старца на эстетический симпозиум (коллегиум) в Германию или отправляли его учиться к автору альманахов?⁴ Портрет господина Ричардсона может висеть на самом почётном месте в кружке учёных дам; *nil admirari* («ничему не удивляться») всегда остаётся основой философского суждения⁵. Самые сильные заблуждения и истины, самые бессмертные красоты и самые смертельные недостатки книги подобны элементам – они невидимы⁶, и меньше всего я забочусь о тех, что можно представить *наглядному осмотру*. То, что остроумные головы, кои суть скорее модники, чем искренние приверженцы изящных наук, испытывают некое симпатическое удовольствие от ангельских образов, которых не видели ни автор, ни читатель, и раздувают плотское чувство; что прекрасные умы вдохновляются духовностью лунного света, – это я охотно извиняю: но философам подобает это *проверять*. – Разве не указывал Янг в своей «лебединой песне» на *septem sine flumine valles* («семь долин без реки»)⁷? Однако вся эстетическая тауматургия не в силах заменить непосредственное чувство, и

¹ Гаман язвительно высмеивает два популярных литературных жанра того времени: сатирико-философские диалоги в стиле Фонтенеля или Лукиана, где вымышленные или умершие исторические лица вели чинные беседы за чашкой чая или пунша, и пасторальную, салонную литературу и попытки просветителей объяснять сложные астрономические и метафизические законы легким, кокетливым языком для придворных дам (прим. пер.).

² Мёд – символ изящной, чистой классической речи Древних Афин. Гаман помещает его не в голову или в абстрактный «разум», а в живот (утробу), полагая, что истинная мудрость должна быть переварена человеком, стать частью его плоти. Масло, которым античные борцы перед состязанием натирали голое тело, Гаман упоминает, чтобы показать, что Руссо – не придворный болтун, а философ-боец, вышедший на арену обнаженным, готовый к жёсткой экзистенциальной схватке с эпохой (прим. пер.).

³ «Ночное празднество Венеры».

⁴ Гамана возмущает, что просветители попытались отправить «пророка природы» Руссо за школьную парту к берлинским журналистам, чтобы те поучили его «хорошему вкусу» и правилам логики (прим. пер.).

⁵ М. Мендельсон в своей критике Руссо ставил ему романы Ричардсона в пример как образец правильной, морализаторской и упорядоченной прозы. Гаман же тонко издевается над Мендельсоном, намекая, что вкус берлинского критика находится на уровне поверхностной салонной моды: вешать портрет (гравюру) Ричардсона на почётное место – это удел сентиментальных дам, а не глубоких философов (прим. пер.).

⁶ «Всё кажется мелким и неразличимым, точно далёкие горы, превратившиеся в облака» (Шекспир).

⁷ Ис. 11:15 («И иссушит Господь залив моря Египетского, и прострет руку Свою на реку в сильном ветре Своём, и разобьёт её на семь ручьёв, так что в сандалиях можно будет переходить её»).

ничто, кроме *нисхождения в ад самопознания*, не прокладывает нам путь к *обожествлению*.

Если разум наш имеет плоть и кровь, не может не иметь их и становится прачкой или сиреной – как же Вы хотите запретить это страстям? Как подчинить первородный аффект человеческой души ярму обрезания? Можешь ли ты играть с ним¹ как с птицей? Или связать его твоими правилами? Неужели Вы не видите, что тем самым Вы разрушаете все маяки, которые должны служить путеводным светом Вам и другим? Однако Руссо проявил слишком сильную антипатию к *записанной музыке* аффектного языка, так что было бы столь же непросто понуждать его эстетическую совесть, как и побуждать израэлитя возжелать – померанского окорока.

В письме одного доброго друга, живущего за пределами Германии, я вижу, что *иной* Руссо собирает письма, чтобы омолодить *Абеляра*². Но поскольку история не движется с места, собиратель, пожалуй, поседет прежде, чем станет издателем. Если Вам, сударь, доведётся дожить до появления этого романа, то новый *Абеляр* сможет польстить себе тем, что вновь обретёт в Вас старого *дядюшку*, подобного соборному канонику Фульберту³. Признайте же, что Вам будут предоставлены не только время, но и возможность получить удовлетворение в соответствии с желанием Вашего сердца.

Позвольте мне, наконец, рекомендовать праздному соотечественнику извлечь из тьмы фрагмент греческого романа, который по праву может называться философским и также состоит из писем. Я с большим участием прочитал в сочинениях Гиппократу приписываемую ему переписку о гелотофобии Демокрита и припоминаю, что нашёл в ней места, которые в свободном переводе (каковой перевод Аристинета, если не ошибаюсь, был в качестве пробного предложен в «Зрителе»⁴) могли бы сравниться с французским остроумием. Способный подражатель мог бы воспользоваться случаем, чтобы облечь систему этого древнего философа в форму письма и присовокупить её, причём многие пробелы могли бы быть восполнены посредством некоторых

¹ *Иов 40:24* («Станешь ли забавляться им, как птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих?»)

² Гаман подразумевает написание Руссо и подготовку к публикации своего следующего романа-трактата – «Эмил, или О воспитании» (*Émile ou De l'éducation*), который вышел в том же 1762 г. Поскольку Гаман ведет этот спор под маской кастрированного, но воскресшего «Абеляра Вирбия», образ Руссо для него – это источник жизненной и творческой силы. Новые труды Руссо «омолаживают» дух Абеляра, возвращая ему страсть, энергию и способность бороться с сухим рационализмом (прим. пер.).

³ Каноник Фульберт – это дядя исторической Элоизы, который жестоко отомстил Абеляру, наняв людей для его оскпления. Гаман предполагает, что после выхода нового романа Руссо Мендельсон, как злобный дядюшка Фульберт, снова попытается наброситься на него со своей критикой, чтобы метафорически «кастрировать» его живой дух и лишить его силы своими сухими рецензиями. Впоследствии Мендельсон действительно подписал свой ответный текст псевдонимом «Фульберт Кульм», чтобы показать, что берлинская критика не боится гамановских пророчеств (прим. пер.).

⁴ Словом «Der Zuschauer» («Зритель») в Германии называли культовый английский морально-критический еженедельник «The Spectator» (издававшийся Дж. Аддисоном и Р. Стилом). Однако Гаман здесь имеет в виду немецкую вариацию этого журнала – те самые берлинские «Письма о новейшей литературе» или аналогичные еженедельники своих оппонентов-просветителей, в которых, подражая английскому «Зрителю», редакторы часто публиковали для пробы (*zur Probe*) вольные переводы из античных авторов, чтобы продемонстрировать немецкой публике изящный стиль. Гаман исподволь критикует берлинских журналистов, которые хвастались своими «вольными переводами» Аристинета как высшим достижением вкуса (прим. пер.).

новейших гипотез современной философии – в соответствии с похвальным правдоподобием.

*«Стану же должность бруска отправлять я: сам он не режет,
Но зато он железо острит.»¹*

¹ Гораций, *Наука поэзии* (строки 304-305).